

Госпиталь брошенных детей

Автор:

[Стейси Холлс](#)

Госпиталь брошенных детей

Стейси Холлс

Novel. Большая маленькая жизнь

«Стейси Холлс – автор романа «Покровители», самого продаваемого в Великобритании в 2019 году дебюта. Ее новая книга [«Госпиталь брошенных детей»] – исторически достоверный роман о непростых судьбах женщин прошлого». – Cosmopolitan (UK)

Лондон, XVIII век.

Бесс Брайт с отцом Эйбом и братом Недом живут в бедном лондонском квартале. Бесс вместе с отцом работает на рыбном рынке, а Нед подметает улицы и чистит конюшни.

Когда Бесс беременеет от зажиточного торговца, ее жизнь раскалывается на до и после. От отца ребенка, который умирает при неясных обстоятельствах, остаются только имя, Дэниэл, и подобие медальона, половинка сердца из китового уса.

Бесс приходится отдать дочь в «госпиталь для новорожденных», откуда она сможет ее забрать, скопив достаточно денег. Бесс оставляет с новорожденной дочерью памятную вещь – половинку сердечка от Дэниэла.

Спустя несколько лет Бесс удается собрать деньги, и она хочет вернуть дочь. Но этот путь оказывается тернистым.

Дорога Бесс по туманным улицам Лондона пройдет через переулки, где работают уличные факельщики, мимо домов богатых людей, скрывающих свое безумие, и обители докторов. Это история о городе-легенде, о принятии и о материнских чувствах – самых бескорыстных на земле.

Стейси Холлс

Госпиталь брошенных детей

Моим родителям, Эйлин и Стюарту

Мне не хватает фонарей, чтобы найти себя.

Эмили Дикинсон

Часть 1

Бесс

Конец ноября 1747 года

Все младенцы были завернуты, как подарки, готовые к раздаче. Некоторые из них в отличие от матерей были красиво одеты в крошечные вышитые распашонки, выглядывавшие из-под теплых шалей, ибо наступила зима и ночь была пронизывающе холодной. Я завернула Клару в старое одеяло, которое годами ожидало штетки, но теперь уже не дождетя. Мы стояли, сбившись вокруг входа, обрамленного колоннами, – около тридцати женщин, подобных мотылькам под факелами, пылавшими в стенных скобах. Наши сердца трепетали, как пергаментные крылья. Я не знала, что госпиталь[1 - «Госпиталь для брошенных детей» в Лондоне, основанный капитаном Томасом Корэмом в 1739 году, был предназначен для «ухода и воспитания за маленькими детьми, оставшимися без попечительства». В то время слово «госпиталь» толковалось в широком смысле от англ. *hospitality*, то есть «гостеприимство». Госпиталь принимал на воспитание младенцев до шести месяцев от роду; исключения бывали только для сирот. Его воспитанников устраивали на работу с шестнадцати лет (прим. пер.)] для брошенных детей может быть похож на дворец с сотней ярко освещенных окон и поворотным кругом для экипажей. Два великолепных длинных здания были расположены по обе стороны внутреннего двора и соединены часовней посередине. У северного конца западного крыла на камни мостовой лился свет из открытой двери. Казалось, ворота остались далеко позади. Некоторые из нас уйдут с пустыми руками, другие снова вынесут своих детей на холод. Именно поэтому мы не могли смотреть друг на друга и стояли, опустив глаза.

Клара ухватилась за мой палец, который аккуратно вошел в ее ладошку, как ключ подходит к замку. Я представила, как она будет тянуться за моим пальцем потом, как ее пальчики сомкнутся в пустоте, и крепче прижала ее к себе. Мой отец, которого мы с братом Недом называли Эйбом, потому что так его называла наша мать, стоял немного позади; его лицо оставалось в тени. Он не держал ребенка. Раньше повитуха – толстая женщина, которая была такой же прижимистой, как и осторожной, – предложила ему подержать Клару, пока я бессильно лежала на кровати, омываемая волнами боли, но он покачал головой, как будто она была прокаженной, предложившей ему персик.

Худой мужчина с костлявыми ногами и в парике проводил нас внутрь через вестибюль, не похожий ни на одно из мест, где я была. Повсюду блестящие поверхности, от ореховых перил до полированного корпуса высоких напольных часов. Единственным звуком был шелест наших юбок и шорох туфель по каменному полу – маленькое женское стадо, разбухшее от молока и несущее своих телят. Это было место для приглушенных, благовоспитанных голосов, а не для криков уличной торговли вроде меня.

Наша маленькая процессия поднялась по лестнице, застеленной алой ковровой дорожкой, и вошла в комнату с высоким потолком. Лишь одна женщина с младенцем могла войти в дверной проем, поэтому мы выстроились в очередь, как знатные дамы на балу. У женщины, стоявшей передо мной, была смуглая кожа, а ее черные волосы мелкими кудрями завивались из-под чепца. Ее малыш был беспокойным и производил больше шума, чем остальные, и она укачивала так же неумело, как и все мы. Я гадала, у скольких женщин были живы их собственные матери, которые могли бы показать им, как нужно укачивать и кормить младенцев. В тот день я, наверное, пятьдесят раз подумала о моей матери – больше, чем за весь прошлый год. Раньше я ощущала ее присутствие в скрипе половиц и в теплой кровати, но теперь все закончилось.

Мы оказались в помещении с зелеными обоями и красивым гипсовым бордюром под потолком. Огонь в камине не горел, но комната была теплой и ярко освещенной, с сияющими лампами и картинами в позолоченных рамах. В центре висела мерцающая люстра. Это была самая прекрасная комната, какую мне доводилось видеть, и там было полно людей. Я предполагала, что мы будем одни, – возможно, с вереницей кормилиц, забирающих детей, которым суждено остаться, но вдоль стен стояло много людей, главным образом женщин, которые обмахивались веерами и с любопытством приглядывались к нам. Они были очень хорошо одеты и явно интересовались нами. Такие женщины могли бы сойти с картин, развешанных на стенах; на их шеях сверкали драгоценные ожерелья, а юбки с кринолинами были яркими, как тюльпаны. Их волосы были высоко заколоты и щедро напудрены. Среди них было несколько мужчин, пузатых джентльменов в сюртуках и туфлях с серебряными пряжками. Они были совсем не похожи на Эйба в его поношенном тускло-коричневом пиджаке, напоминающем мешок для кормежки лошадей. Мужчины казались более суровыми, и многие из них откровенно рассматривали девушку-мулатку, как будто она была выставлена на продажу. В руках, обтянутых лайковыми перчатками, они держали маленькие лорнеты, и я поняла, что для них это нечто вроде светской забавы.

У меня продолжалось кровотечение. Клара родилась сегодня утром перед рассветом, и сейчас боль непрерывно терзала меня. Я и одного дня не пробыла матерью, но знала мою дочь, как саму себя: ее запах, легкое биение ее сердца, которое недавно билось внутри меня. Еще до того как ее извлекли из меня, красную и писклявую, я знала, как она будет выглядеть и какой тяжелой она будет у меня на руках. Я надеялась, что ее заберут у меня, и одновременно надеялась, что этого не случится. Я думала о морщинистом лице Эйба, о его опущенном взгляде и мозолистых руках, придерживавших мне дверь. Он был единственным отцом в этой комнате. Большинство женщин пришли одни, но некоторые привели с собой подруг, сестер или матерей, имевших несчастный вид. Эйб избегал моего взгляда и почти ничего не сказал во время нашей медленной и печальной прогулки из округа Олд-Бейли-Корт, где мы жили, но его присутствие было желанным, как дружеское объятие. Когда он потянулся за пиджаком и сказал, что пора выходить, я едва не расплакалась от облегчения; я не ожидала, что он пойдет со мной.

По комнате пробежал шепоток, когда человек, стоявший перед огромным камином, обратился к собравшимся. Его голос был густым и бархатистым, как дорогой ковер. Я смотрела на люстру, пока он рассказывал об устройстве лотереи: белый шар означал, что ребенок принят, черный шар означал отказ, а красный шар означал, что нужно подождать, пока ребенок не пройдет медицинский осмотр. От размышления об этом у меня закружилась голова.

– Всего есть двадцать белых шаров, десять черных и пять красных, – сказал мужчина.

Я пододвинула Клару ближе к груди. Взгляды светских дам, стоявших вдоль стен, стали назойливее. Наверное, они гадали о том, кому из нас повезет, а кому придется оставить ребенка умирать на улице. Кто из нас не замужем, а кто занимается проституцией.

Сиделка пошла по комнате с холщовым мешком, предлагая доставать шары. Когда дело дошло до меня, мое сердце грохотало в груди, словно кованые сапоги. Встретившись с ее равнодушным взглядом, я переложила Клару на одну руку и запустила руку в мешок. Шары были гладкими и прохладными, как яйца, и я сжала один из них в кулаке, пытаюсь ощутить его цвет. Сиделка нетерпеливо встряхнула мешок. Что-то подсказало мне выпустить шар и взять другой; так я и поступила.

– Кто эти люди, которые смотрят на нас? – спросила я.

– Их пригласили сюда, – скучающим тоном ответила она. Я выпустила второй шар, и она снова встряхнула мешок.

– Для чего? – тихо спросила я, ощущая на себе чужие взгляды. Я думала об их сыновьях и дочерях в роскошных особняках Мэйфера и Белгравии, которые спали под теплыми одеялами, чистили зубы, купались в ваннах и пили парное молоко. Может быть, сегодня их родители, тронутые нашей нуждой и убогостью, заглянут в детские комнаты перед отходом ко сну и запечатлеют сентиментальный поцелуй на детской щеке. Одна женщина сверлила меня взглядом, словно желая, чтобы я вытащила шар определенного цвета. Это была крупная женщина с веером в одной руке и маленьким бокалом в другой. Она носила голубое перо в волосах.

– Это благотворители, – коротко пояснила сиделка.

Я поняла, что больше мне не дадут задавать вопросы, и сосредоточилась на выборе шара. Потом я достала его из мешка, и в комнате наступила тишина.

Шар был красный. Значит, мне предстояло ожидание.

Сиделка подошла к следующей женщине, пока остальные со стиснутыми зубами и желваками на щеках следили за ее обходом, встревоженно подсчитывая в уме, сколько осталось шаров и какого они цвета. У ворот нам было сказано, что возраст детей не должен превышать двух месяцев и они должны быть здоровы. Но многие дети выглядели больными или истощенными. Некоторым исполнилось не менее полугода; их так плотно пеленали, чтобы они казались меньше, что они плакали от скованности и неудобства. Клара во всех отношениях была самой маленькой из них. Она не открывала глаз с тех пор, как мы пришли. Если мы скоро расстанемся, она даже не узнает об этом. Сейчас мне больше всего хотелось свернуться вокруг нее в постели, словно кошка, и вернуться через месяц. Я думала о безмолвном стыде Эйба. Наши комнатухи были пропитаны этим стыдом; он въедался в стены, как угольная копоть, и гноил деревянные балки. Я думала о том, что могла бы брать ее с собой в Биллингсгейт[2 - Биллингсгейт – исторический рыбный рынок в Лондоне, который работает до сих пор (прим. пер.)], где она сидела бы на лотке моего отца, как миниатюрная фигура на носу корабля. Русалочка, найденная в море и выставленная на

обозрение у креветочного лотка Абрахама Брайта. Иногда я воображала, как буду носить ее с собой, привязав к груди, оставив руки свободными, чтобы набирать креветок из корытца. Я видела уличных торговков с младенцами, прикрепленными спереди широкими ремнями, но что случилось с этими детьми, когда они вырастали из таких люлек? Когда они становились ползающими и прыгающими существами с пустыми и голодными ртами?

Какая-то женщина, вытащившая черный шар, громко запричитала. На ее лице и на лице ее младенца кривилась одна и та же маска отчаяния.

– Я не могу содержать его! – всхлипывала она. – Пожалуйста, вы должны забрать его!

Пока сиделки успокаивали ее, а все остальные отвернулись, чтобы дать ей сохранить остатки достоинства, я зевнула так широко, что едва не вывихнула челюсть. За последние двое суток, пока продолжались родовые схватки, я не проспала и одного часа. Утром Нед с малышкой сел перед камином, чтобы я могла немного подремать, но мне было так больно, что я не могла заснуть. У меня до сих пор все болело, а завтра мне нужно было выходить на работу. Сегодня вечером я не могла вернуться домой с Кларой на руках: это было невозможно. Но с другой стороны, я не могла бросить ее у порога на поживу крысам. Когда я была девочкой, то видела мертвого младенца у навозной кучи на обочине, и эта картина снилась мне несколько месяцев.

Комната была ярко освещена, а я так устала, что не обратила внимания, когда меня отвели в маленькую боковую комнату и велели подождать. Эйб последовал за мной и плотно закрыл дверь, отрезав нас от звуков рыданий и звона бокалов с хересом. Сама бы я сейчас выпила чашку теплого молока или немного пива; меня неудержимо клонило ко сну.

Откуда-то вдруг появилась кормилица и забрала Клару у меня из рук. Я была не готова к этому: так быстро, так неожиданно! Кормилица объяснила, что у них появилось место для малютки, потому что другая женщина принесла шестимесячного ребенка, который был слишком взрослым. Неужели она решила, что здесь не смогут отличить полугодовалого ребенка от двухмесячного? Я подумала о той женщине с ребенком и задалась праздным вопросом, что теперь с ними будет, но потом выбросила это из головы. Кружевной чепец кормилицы исчез за дверью, и я испытала странное ощущение невесомости, лишившись Клары у себя на руках, как будто легкого перышка было достаточно, чтобы сбить

меня с ног.

- Ей еще не исполнилось одного дня, - сказала я в спину кормилице, но та уже ушла. Я услышала, как Эйб заерзал у меня за спиной и заскрипели половицы.

Когда я открыла глаза, то увидела мужчину, сидевшего передо мной и что-то писавшего жирным пером. Я встряхнула головой и прислушалась, потому что он что-то говорил.

- ...Сейчас врач смотрит, нет ли у нее каких-нибудь болезней...

- Она родилась сегодня, в четверть пятого утра, - выдавила я.

- ...Если у нее найдут признаки нездоровья, то вам будет отказано. Ее осмотрят на венерические заболевания, золотуху, проказу и инфекцию.

Я тупо молчала.

- Вы хотите оставить памятку с пояснительной запиской?[3 - Такие памятки (токены) представляли собой мелкие предметы, по которым мать впоследствии могла опознать ребенка, если приходила забрать его. С 1758 года совет госпиталя начал выдавать матерям квитанции о приеме детей, и потребность в памятках отпала (прим. пер.).] - Клерк наконец посмотрел на меня; его темные серьезные глаза составляли комичный контраст с лохматыми бровями.

Ах да: памятка. Я была готова к этому, так как слышала, что детей принимают с памятными предметами, оставленными матерью. Порывшись в кармане, я достала свою памятку и положила ее на полированную крышку стола между нами. Мой брат Нед рассказал мне о госпитале для нежеланных детей, расположенном на окраине города. Он знал девушку, которая оставила там своего ребенка и отрезала квадрат от своего платья, чтобы впоследствии опознать его.

- А если ничего не оставить и потом вернуться? - спросила я. - Вам могут отдать чужого ребенка?

Он улыбнулся и расплывчато ответил, что такое возможно, но сама эта мысль приводила меня в ужас. Я представила комнату, набитую токенами, и мою маленькую памятку, которую швырнут в общую кучу. Мужчина зажал ее между большим и указательным пальцами и осмотрел с хмурым видом.

– Это сердечко из китового уса, – пояснила я. – Вернее, половина сердечка. Другая половина находится у ее отца.

Я сильно покраснела и почувствовала, как запылали кончики ушей, потому что Эйб молча стоял у меня за спиной. Рядом с моим стулом стоял еще один, но отец не стал садиться. До сих пор он ничего не знал о памятке, сердечке размером с крону. У меня была правая часть, гладкая с одной стороны и зазубренная с другой. На ней было написано «Б», а ниже, более неряшливо, буква «К»: Бесс и Клара.

– Как вы ее используете? – спросила я.

– Будет сделана запись, которая позволит вам вернуть ребенка. Он будет числиться в приходной книге за номером 627, с датой приема и описанием памятки.

Он окунул перо в чернила и принялся записывать.

– Вы напишете, что это половинка сердца, да? – спросила я, глядя, как слова возникают из-под его пера, но не понимая их. – А то все может перепутаться.

– Я все запишу правильно, – мягко ответил он.

Я по-прежнему не знала, где находится моя малышка и смогу ли я еще раз увидеть ее перед уходом. По правде говоря, я боялась спрашивать.

– Я заберу ее, когда она подрастет, – заявила я, потому что сказанное вслух становится ближе к правде. Эйб зашаркал ногами у меня за спиной, и половицы снова зашкрипели. Мы еще не говорили об этом, но я была уверена. Я пригладила юбку. Промокшая от дождя и заляпанная грязью, после стирки она становилась жемчужно-серой, как раковина устрицы, а остальную часть месяца была грязно-серой, как мостовая.

Кормилица вошла в комнату и кивнула. Ее руки были пусты.

- Девочку готовы принять на попечение, - сообщила она.

- Ее зовут Клара, - сказала я, испытывая огромное облегчение.

Несколько месяцев назад, когда мой живот только начал округляться, я, проходя по одной из аристократических улиц вокруг собора Св. Павла, где дома поднимаются высоко к небу и соперничают за свободное место с типографиями и книжными лавками, увидела женщину в темно-синем платье, мерцавшем, как самоцвет. Ее волосы были золотистыми и блестящими, и она держала за руку пухлого ребенка с такими же золотистыми кудрями. Я смотрела, как девочка дергает мать за руку; она наклонилась, не обращая внимания, что ее юбки метут мостовую, и приложила ухо к губам малышки. На ее лице появилась широкая улыбка. «Какая же ты забавная, Клара!» - сказала она. Потом они прошли мимо меня, а я погладила свой растущий живот и решила, что если родится девочка, то я назову ее Кларой, потому что тогда, пусть даже понарошку, я буду в чем-то похожа на эту женщину.

Мои слова не произвели никакого впечатления.

- В свое время ее окрестят и дадут ей имя, - сказал клерк.

Значит, она будет Кларой для меня и больше ни для кого. Даже для себя. Я выпрямила спину, сжимая и разжимая кулаки.

- Как же я узнаю, кто она такая, если ее имя изменится, когда я приду за ней?

- По прибытии каждому ребенку прикрепляют оловянную табличку с номером, соответствующим его записи в регистрационной книге.

- Да, 627. Я запомнила номер.

Он посмотрел на меня и нахмурил кустистые брови.

- Если ваши обстоятельства изменятся и вы пожелаете забрать вашего ребенка, плата за уход будет вполне приемлемой.

Я сглотнула.

- Что это значит?

- Затраты по уходу за ребенком, понесенные госпиталем.

Я машинально кивнула. У меня не было ни малейшего представления, сколько это может стоить, и я не собиралась спрашивать. Я просто ждала. Перо продолжало поскрипывать по бумаге, и где-то монотонно тикали часы. Чернила были такого же цвета, как и вечернее небо в окне за раскрытыми портьерами. Гусиное перо клонилось в разные стороны и выписывало круги, как будто исполняя какой-то экзотический танец. Я вспомнила о женщине с голубым пером в большой комнате, вспомнила, как она смотрела на меня.

- Люди в той комнате, - пробормотала я. - Кто они такие?

- Жены и знакомые членов нашего попечительского совета. Лотерея служит еще и для сбора средств в фонд госпиталя, - ответил он, не глядя на меня.

- Но почему им нужно смотреть, как отдают детей? - спросила я, уже понимая, что мой голос звучит слишком жалобно. Он вздохнул.

- Женщин очень трогает это зрелище. Чем сильнее они растроганы, тем более щедрые пожертвования делают.

Я смотрела, как он дописывает последние слова и ставит размашистую подпись. Потом он отложил лист, чтобы высохли чернила.

- Что с ней будет после моего ухода?

- Всех новоприбывших отправляют в сельскую местность, где за ними ухаживают кормилицы. Они возвращаются в город, когда им исполняется примерно пять лет, и живут в госпитале, пока не будут готовы к работе.

- Какую работу вы им предлагаете?

– Девочек учат быть горничными, вязать, штопать, прясть... всем домашним навыкам, привлекательным для работодателей. Мальчиков обучают на канатном дворе плести сети, вязать узлы и готовят их к военной службе на флоте.

– Где будут растить Клару? Хотя бы в каком графстве?

– Это зависит от того, где найдется свободное место для нее. Ее могут отправить в Хэрни или подальше, в Беркшир. Но мы не раскрываем, где будут воспитывать наших подопечных.

– Я могу попрощаться с ней?

Клерк сложил лист бумаги над сердечком из китового уса, но не стал запечатывать его.

– Мы стараемся избегать сентиментальности. Всего доброго, мисс... и вам тоже, сэр.

Эйб подошел к столу и помог мне подняться со стула.

Госпиталь для брошенных детей находился на окраине Лондона, где красивые площади и высокие дома сменялись открытыми дорогами и полями, уходившими за горизонт. Оттуда было около двух миль до Олд-Бейли-Корт, где мы жили в тени Флитской тюрьмы, но с таким же успехом это могло быть и двести миль на север, с его фермами, стадами и аккуратными сельскими домиками. Дворы и аллеи, где я выросла, задыхались от угольного дыма, но здесь небо было похоже на бархатный занавес с огоньками звезд, и бледная луна освещала немногочисленные оставшиеся экипажи богатых гостей, наблюдавших за церемонией. Насытившись вечерними развлечениями, они теперь разъезжались по домам.

– Тебе нужно чего-нибудь поесть, Бесси, – сказал Эйб, когда мы медленно шли к воротам. Он впервые заговорил со мной после нашего прихода в госпиталь.

Когда я промолчала, он добавил: – У Билла Фарроу могли остаться пирожки с мясом.

Я смотрела, как он идет впереди, отмечая его бессильно поникшие плечи и скованную походку. Волосы, выбивавшиеся из-под его кепки, сменили цвет с ржаво-желтого на серо-стальной. Сейчас он щурился, глядя на пристани, и молодым людям приходилось указывать на лодки из Лейта, привозившие креветок, среди сотен других суденышек, наполнявших реку. Уже тридцать лет мой отец продавал креветок с лотка на лондонском рыбном рынке. Он продавал их корзинами уличным торговцам и перекупщикам, разносчикам и курьерам из рыбных лавок в городе, – рядом с двумя сотнями других продавцов креветок, с пяти утра до трех часов дня, шесть дней в неделю. Каждый день я брала корзину в варочном цеху в конце Устричного ряда и торговала креветками вразнос на улицах. Мы не продавали треску; мы не продавали макрель, селедку, хека, шпроты, сардины. Мы не торговали плотвой, камбалой, корюшкой, угрями, карпами и пескарями. Мы торговали креветками – сотнями, тысячами, десятками тысяч. Было великое множество разных рыб и морепродуктов, которыми приятнее и выгоднее торговать: серебристый лосось, белокорый палтус или розовые крабы. Но наша жизнь была поймана в силки, и мы платили за аренду, чтобы продавать морских рачков с невидящими черными глазами и скрюченными лапками, между которых икринки с тысячами их нерожденных потомков. Мы торговали ими, но не ели их. Слишком часто мне приходилось чують запах тухлых креветок или отскребать их маленькие паучьи ножки и глазки со шляпы. Больше всего мне хотелось, чтобы отец торговал на Лидденхоллском рынке, а не в Биллингсгейте. Тогда я продавала бы клубнику и благоухала, как летний луг, истекающий соком, а не рассолом, от которого пальцы шли трещинами.

Мы почти достигли высоких ворот, когда где-то рядом послышалось мяуканье. У меня сводило живот от ноющей боли и голода, и я могла думать только о сне и мясных пирогах. Я не могла думать о собственной малышке и гадать, хорошо ли ей сейчас. Если бы я это сделала, то рухнула бы на месте. Кошка снова замяукала.

– Это младенец, – удивленно сказала я и поймала себя на том, что думаю вслух. Но где? Вокруг было темно, и звук исходил откуда-то справа. Там никого не было; я обернулась и увидела двух женщин, покидавших госпиталь следом за нами, а ворота впереди были закрыты и снабжены каменной сторожкой, где внутри горел свет.

Эйб остановился, вглядываясь в темноту рядом со мной.

– Это младенец, – повторила я, когда снова услышала жалобный звук. До того как я выносила Клару и родила ее, я никогда не обращала внимания на детей, плачущих на улице или хнычущих в нашем доме. Но теперь любой подобный звук привлекал внимание, как будто кто-то звал меня по имени. Я сошла с дороги и двинулась вдоль темной стены, ограждавшей территорию госпиталя.

– Что ты делаешь, Бесс?

Через несколько шагов я увидела маленький сверток, оставленный на траве и прижатый к сырой кирпичной кладке, словно для укрытия. Младенца запеленали так же, как я Клару, и я могла видеть только сморщенное темнокожее личико и тонкие завитки черных волос у висков. Я вспомнила мулатку; должно быть, она достала черный шар, поскольку это был ее ребенок. Я подняла младенца на руки и покачала, чтобы он успокоился. Мое молоко еще не подошло, но груди набухли, и я гадала, смогу ли покормить ребенка и следует ли это делать. Я собиралась передать малыша сторожу в каменной будке у ворот, но согласится ли он забрать ребенка?

Эйб с приоткрытым ртом уставился на сверток в моих руках.

– Что мне делать?

– Это не твоя забота, Бесс.

Из-за стены послышался шум: люди кричали и бегали, ржали лошади. Ночью за городом все было темнее и громче, как будто мы оказались в незнакомом месте на краю света. Раньше я никогда не была в сельской местности, не покидала пределов Лондона. Ребенок у меня на руках успокоился, его крошечные черты приобрели выражение хмурой сонливости. Мы с Эйбом подошли к воротам. На дороге за воротами собрались люди, кучер с фонарем пытался успокоить четверку лошадей, упирившихся, встававших на дыбы и пугавших друг друга. Несколько бледных людей потрясенно смотрели на землю, и я вышла за ворота посмотреть, что там такое. Я увидела грязную юбку и изящные руки шоколадного цвета. Женщина издавала утробные стоны, как раненое животное. Ее пальцы шевелились, и я инстинктивно отвернулась, чтобы скрыть ребенка у себя на руках.

– Она появилась из ниоткуда, – говорил кучер. – Мы только выехали на дорогу, как она выскочила перед нами.

Я повернулась и быстро пошла к сторожке, которая была открыта и пуста внутри. Скорее всего, сторож тоже вышел посмотреть на происшествие. Внутри было тепло; под каминной решеткой догорали угли, на маленьком столе с остатками недоеденного ужина горела свеча. Обнаружив кожаный камзол, висевший на гвоздике у двери, я завернула малыша и оставила его на стуле, надеясь, что сторож поймет, чей это ребенок, и сжалится над ним.

Несколько окон госпиталя еще светились, но остальные были темными. Должно быть, сейчас там спали сотни детей. Знали ли они, что их родители находятся снаружи и думают о них? Надеялись ли они снова увидеть родителей или довольствовались своей форменной одеждой, горячей едой, уроками и инструментами? Можно ли скучать по незнакомому человеку? Моя дочь тоже была там, и ее пальчики напрасно хватали воздух. Мое сердце было обернуто в пергамент. Я знала ее несколько часов и всю свою жизнь. Еще сегодня утром повитуха вручила ее мне, скользкую и окровавленную, но Земля совершила оборот вокруг своей оси, и все уже никогда не будет прежним.

Глава 2

Если утром меня не будило журчание, когда брат мочился в ведро у стены, значит, он не возвращался домой. На следующее утро постель Неда была пустой, и я наклонилась посмотреть, не лежит ли он на полу рядом с кроватью, запутавшись в одеяле, как это иногда случалось. Но кровать была прибрана, на полу никто не валялся. Я перекаталась на спину, скривившись от боли. У меня все болело внутри, как будто кто-то с кулаками прошелся там и наставил синяков и шишек. За дверью я слышала шаги Эйба по скрипучему дощатому полу. За окнами было темно, и значит, до рассвета оставалось много времени.

Мои груди начали подтекать, ночная рубашка была влажной, как будто тело оплакивало мою утрату. Повитуха предупреждала, что так и будет, но сказала, что это скоро пройдет. Грудь была первым и часто единственным, что во мне замечали мужчины. Повитуха посоветовала мне перебинтовать грудь тряпками, чтобы молоко не просачивалось через одежду, но сейчас это была лишь прозрачная, водянистая жидкость. В таком состоянии водокачка во дворе была для меня почти недостижимой, но ходить за водой было моей обязанностью. Я вздохнула и потянулась за помойным ведром, но тут услышала, как хлопнула входная дверь, когда пришел Нед. Наши комнаты в доме номер 3 на Олд-Бейли-Корт находились на верхнем этаже трехэтажного дома, и окна смотрели в сумрачную глубину мощеного двора. Здесь я родилась и жила все свои восемнадцать лет. Я училась ползать, а потом ходить на покатом полу под свесом крыши, которая иногда скрипела, трещала и стонала, как старый корабль. Над нами никого не было – только птицы, свивавшие гнезда на крыше и гадившие на каминные трубы и церковные шпили, устремленные в небо. Мне нравилось жить так высоко: здесь было тихо и спокойно, и даже крики детей, игравших внизу, почти не проникали сюда. Наша мать жила здесь вместе с нами, пока мне не исполнилось восемь лет. Потом ее не стало. Я плакала, когда Эйб открыл окно, чтобы выпустить ее дух; мне хотелось, чтобы он остался, но он улетел на небо. Теперь-то я в это не верю. Могильщики увезли ее тело, а Эйб продал ее вещи, оставив лишь ее ночную рубашку, которую я носила, пока не улетучился материнский запах, вызывавший воспоминания о ее густых темных волосах и молочно-белой коже. Я не тоскую по ней, потому что прошло очень много времени. Чем старше я становилась, тем меньше ощущала потребность в матери, но когда мой живот стал расти, а потом начались схватки, мне хотелось держать ее за руку. Вчера вечером я завидовала девушкам, чьи матери живы и чувство любви к ним не успело поизноситься.

Нед распахнул дверь нашей общей спальни и опрокинул помойное ведро, так что наша моча растеклась по полу.

– Неуклюжий придурок! – крикнула я. – Предупреждать надо!

– Проклятье, – он наклонился за ведром, укатившимся в сторону. В двух комнатах, которые мы с Недом и Эйбом называли нашим домом, не было прямых линий: наверху скошенная крыша, внизу покатый пол. Нед не споткнулся, когда поставил ведро; он был не слишком пьян, только слегка под мухой. Он плюхнулся на кровать и начал стягивать куртку. Мой брат на три года старше меня; рыжие волосы, веснушки и белая кожа с жемчужным оттенком – это у нас

общее. Он тратил то небольшое, что зарабатывал, в игорных притонах и джинных лавках.

- Ты сегодня собираешься на работу? - спросила я, уже зная ответ.

- А ты? - отозвался он. - Ты только вчера родила ребенка. Наш старик не собирается тащить тебя за собой на поводке, не так ли?

- Ты шутишь? Думаешь, меня уложат в постель и поставят рядом горячий чайник?

Я пошла в другую комнату, где обнаружила, что Эйб милосердно сходил за водой, пока я спала, и греет ее в чайнике. Главная комната была скудно, но уютно обставлена: узкая койка Эйба у одной стены, мамино кресло-качалка перед очагом. Напротив стояли стул и пара табуреток, а все наши кастрюли и тарелки громоздились на полках у маленького окна. В детстве я украсила стены репродукциями с изображением красивых девушек на ферме и знаменитых зданий: собора Св. Павла и Тауэра. Я намочила тряпку и стала протирать пол в нашей комнате, морщась от едкого запаха, но меня это не коробило. Вот когда я вынашивала Клару, мне поначалу становилось плохо от любых запахов на рынке.

Когда я закончила работу и поставила ведро у выхода, чтобы потом отнести на улицу, Эйб протянул мне чашку слабого пива, и я уселась напротив него, прямо в ночной рубашке. Вчерашние события оставили недосказанность между нами. Я знала, что рано или поздно мы поговорим об этом, чтобы избежать взаимной отчужденности.

- Так они забрали малышку, Бесс? - слышался голос Неда из спальни.

- Нет, я положила ее под кровать.

Он помолчал и через некоторое время спросил:

- И ты не собираешься говорить, чей это ребенок?

Я начала собирать и закалывать волосы.

- Это мой ребенок.

Нед, растрепанный, в расстегнутой рубашке, появился в дверях.

- Я знаю, что она твоя, дурища ты этакая!

- Эй, - окликнул Эйб, - ты почему раздеваешься? Или ты не собираешься на работу?

Нед уставился на него.

- Сегодня я начинаю позже, чем обычно.

- Значит, сегодня утром лошади не будут срать на конюшне?

- Да, и мне нужно куда-нибудь засунуть метлу. Знаешь, куда?

- Я пошла одеваться, - объявила я.

- Ты заставляешь ее работать после вчерашнего? - не унимался Нед. - Ты ее отец или хозяин?

- Она не боится работы в отличие от некоторых, живущих под этой крышей.

- Ты просто чертов рабовладелец. Дай девочке отлежаться хотя бы неделю.

- Нед, заткни свою задницу и дай шанс своей голове, - вмешалась я.

Я сполоснула наши чашки в воде над огнем, поставила их на полку, прихватила свечу и протиснулась в комнату мимо Неда, чтобы одеться. Нед выругался, пнул ножку кровати и уселся спиной ко мне. Я знала, что когда мы вернемся домой после работы, его здесь не будет.

- Поспи, ладно? Хватит подначивать его, - сказала я, когда стянула через голову ночную рубашку и надела юбку, морщась от боли.

- Послушай себя: это ты должна лежать в постели.

- Я не могу. Вчера я не работала.

- Ты же вчера родила ребенка!

- Но тебя это не беспокоило, не так ли? Где ты был?

- Как будто мне хотелось видеть все это!

- Правильно. Вот и заткни свою костяную пасть. Завтра нам платить за аренду квартиры. - Я не удержалась от презрительного тона. - Ты внесешь свою долю, или мы с Эйбом снова будем платить за всех? Было бы славно, если бы ты хотя бы иногда платил за жилье. Здесь не гостиница.

Я задула свечу и поставила ее на тумбочку. Эйб застегнул свой старый пиджак и ждал меня у двери. Голос Неда догнал меня из спальни, жесткий и злорадный:

- Ты тоже не Дева Мария. Не играй со мной в благочестие, маленькая шлюшка.

Губы Эйба были плотно сжаты, когда он встретился со мной взглядом. Он молча передал мне чепец, и мы вышли в холодный коридор с голыми каменными стенами, где всегда воняло мочой и вчерашним джином. Дверь за нами захлопнулась.

Теперь к реке. Каждое утро, когда стрелки часов на башне Св. Мартина показывали половину пятого, мы с Эйбом обычно уже покидали Олд-Бейли-Корт, проходили вдоль высокой стены Флитской тюрьмы по правую руку от нас и направлялись на юг через Белл-Сэвидж-Ярд на широкую улицу Лудгейт-Хилл, а затем поворачивали на восток, к туманному куполу собора Св. Павла. Дорога была широкой и оживленной даже в это время суток, и мы проходили мимо работавших дворников, разносчиков с тележками, сонных женщин, встающих в очереди перед пекарнями, курьеров и рассыльных, курсировавших между рекой

и кофейнями с поручениями или последними известиями. Движение становилось более плотным ближе к мосту, и мачты судов, выстроившихся у причалов, покачивались и тянулись далеко за ряды эллингов, складских амбаров и навесов, теснившихся на речном берегу. Мужчины на причалах и набережных широко зевали, все еще пребывая в полусонных грезах о своих постелях и теплых женщинах, оставшихся там. Хотя было еще совсем темно – здесь и там над дверными проемами горели масляные лампы, которые в ноябрьском тумане были похожи на маленькие бледные солнца за густыми облаками, – мы с Эйбом могли найти дорогу даже с закрытыми глазами.

Мы миновали Батчерс-Холл[4 - Крупнейшая скотобойня и мясозаготовительная фирма того времени, ныне международная компания (прим. пер.)] и спустились к реке, где вода стояла низко и поблескивала перед нами, уже забитая сотнями мелких и крупных судов, доставлявших рыбу, чай, шелк, сахар и специи на разные верфи. Спуск был крутым и не слишком легким в темноте. В пять утра, через несколько минут после нашего прибытия, грузчики начали перетаскивать корзины с рыбой с причалов на берег, а потом уносить их на рынок. Начиная с шести утра городские рыботорговцы, уличные продавцы рыбы, трактирщики, обжарщики и слуги разных господ спускались с плетеными корзинами или коробами и начинали торговаться за три дюжины корюшек, за бушель устриц или за громадного осетра. Продавцы постепенно снижали свою цену, покупатели постепенно повышали цену предложения, пока они не сходились где-то посередине. Когда над рекой поднималось блеклое и водянистое солнце, крики торговцев – «Треска, живая треска!», «Пик-пик-пик-пикша!», «Камбала, корюшка, пескари, плотва!» с протяжным ударением на последнем слове – были уже не бесплотными голосами, но принадлежали краснощеким купцам и их женам. Каждый клич имел свои особенности, и я легко различала их на слух. Есть какое-то дикое величие в Биллингсгейте, в утреннем солнце на качающихся мачтах у причала, в могучих носильщиках, громоздящих на голову четыре, пять или шесть корзин с рыбой и рассекающих толпу. К семи утра земля на берегу превращалась в грязное месиво, усеянное рыбьими чешуйками, словно блестящими монетами. Сами лотки представляли собой мешанину деревянных навесов со скошенной односкатной крышей, откуда зимой на шею капала ледяная вода. Ивовые корзины ломались от штабелей серебристой камбалы или от ползающих крабов, ручные тележки прогибались под весом сверкающей рыбьей мелочи. На верфи имелась Устричная улица, названная так из-за ряда малых судов, пришвартованных вплотную друг к другу и нагруженных серыми раковинами с песчаным налетом. Если вам было нужно купить угрей, то приходилось обращаться к лодочнику, чтобы он отвез вас к одному из голландских рыболовных судов на Темзе, где люди необычного вида в меховых

шапках и с драгоценными перстнями на пальцах опускали вниз громадные чаны со змееподобными существами, которые извивались и ползали в мутном крошеве. Я с завязанными глазами могу отличить камбалу от сардины и норфолкскую макрель от сассекской. Иногда рыбак ловит акулу или черепаху и выставляет ее на всеобщее обозрение; однажды какой-то шутник из носильщиков нарядил акулу в платье и назвал ее русалкой. И конечно, на рынке есть «биллингсгейтские жены», черепахи в нижних юбках, с толстыми красными руками и грудями, годными для носовых украшений; они пронзительно кричат, как чайки, зазывая покупателей. В холодные месяцы они носят фляжки бренди «для сугреву» и похваляются золотыми кольцами в ушах. Я с самого раннего возраста решила, что не стану одной из них и не выйду за торговца с Биллингсгейта, пусть даже он будет креветочным королем.

Носильщик Винсент принес нам первые три корзины, нагруженные серыми креветками, и мы с Эйбом переложили их в свои корзины. Нам приходилось работать очень быстро, потому что остальные продавцы креветок делали то же самое. После разгрузки я отнесла корзину в варочный цех, где они будут сварены Мартой из Кента, чьи руки похожи на свиные окорока. Марта была неразговорчивой, но не враждебной; мы уже давно заключили негласное соглашение, да и час был слишком ранним для болтовни. Когда креветки приобрели цвет ее румяного лица, Марта с лязгом дуршлага о сталь и клубами пара загрузила их в мое корытце. Я привыкла к весу, хотя горячий пар обжигал лицо и шею, превращаясь в кипяток, но это было ничто по сравнению с красными руками Марты, лишенными всякой чувствительности.

– Все в порядке, Голубка? – Томми, носильщик с рябым от оспы лицом, остановился рядом со своим грузом речной корюшки. – Может, встретимся в Даркхаусе сегодня вечером?

– Не сегодня, Томми.

Это был наш ежедневный ритуал. Иногда я гадала, сколько еще буду чувствовать себя обязанной принимать участие в его представлении и буду ли я испытывать облегчение, когда избавлюсь от его приставаний. Он называл меня «Голубкой» из-за пышной груди. Однажды вечером, уже давно, Томми поймал меня на обратном пути из Даркхауса, самого буйного публичного дома на северном берегу. Он притиснул меня к стене ларька и стал тискать мои груди одной рукой и дрочить другой. При этом он пытался заставить меня прикоснуться к нему, но кончил мне на юбку.

– Тогда как насчет того, чтобы устроить наш собственный Даркхаус, Голубка?

– Не сегодня, Томми.

Он подмигнул и пошел своей дорогой, к лоткам Фрэнсиса Коста. Я начала подниматься от реки к городу. Лондон стал просыпаться по-настоящему, и первый поток клерков и бизнесменов уже находился в пути к своим конторам и кофейням. Жены или слуги часто готовили им завтрак: копченую макрель, яйца или овсянку в фаянсовых мисках. Я могла пересчитать на пальцах одной руки моряков и матросов, покупавших у меня что-либо, – как правило, их тошнило от даров моря. Нет, я выискивала ремесленников, трубочистов или штукатуров, собравшихся на перекур, продавцов лаванды или просто гуляк, остановившихся почесать спину. Точильщиков ножей, продавцов париков или садоводов, возвращавшихся за город после продажи своего товара. Изможденных матерей, готовых купить пригоршню креветок, чтобы поделиться со своими вопящими детьми, выпивох, еще не разошедшихся по домам. Когда я опустошала свое корытце, на что уходило от одного до трех часов, то возвращалась на рынок и готовила новую партию. Летом работать было хуже всего: весь город вонял, и я вместе с ним. В особенно жаркие дни большая часть нашего товара после полудня годилась только в пищу для кошек. Зима была ужасной, но по крайней мере, товар оставался свежим до заката, когда рынок закрывался.

Налево, направо, налево, направо; каждый день я ходила по собственному маршруту, выкрикивая: «Свежие креветки, прямо с лодки, по два пенса за треть пинты для вас, сэр, для вас, мэм». Трудно было соперничать с церковными колоколами, колесными экипажами и общим шумом и гамом в зимнее лондонское утро. Я проходила по Фиш-стрит мимо белой колонны Монумента, останавливаясь погреть руки на перекрестке Трогмортон-стрит, пиная собаку, обнюхивавшую мои юбки, но быстро шла дальше, потому что на таком холоде и с таким грузом только движение спасает жизнь. И тогда я впервые увидела костяные лавки.

Четыре или пять таких лавок снабжали китовым усом всех лондонских портных, изготавливавших корсеты и кринолины. Над их дверями можно было увидеть разные символы: деревянный кит, якорь и солнце, ананас. Плетеные корзины с костяными пластинами стояли снаружи. Китовый ус доставляли со складов выше по течению, в Ротерхите, где нарезали, как травинки, заворачивали в холстину, шелк или кожу или отдавали резчикам для изготовления охотничьих рогов,

дверных ручек и разных других предметов. Например, костяных сердечек. Я инстинктивно положила руку на живот; мой корсет уже несколько месяцев лежал в комоде, и теперь пройдет еще некоторое время, прежде чем я снова смогу носить его. Если кто-то в Биллингсгейте видел мой выпирающий живот, то они не стали упоминать об этом, как молчали и теперь, когда живот куда-то пропал. Даже Винсент и Томми ничего не сказали. Скоро мой живот снова будет плоским, и я забуду, как таскала его перед собой. Но я никогда не забуду, что он был домом для другой жизни.

– Вы глазеете или торгуете?

Передо мной остановилась женщина, у которой было явно не больше трех зубов во рту. Я ощупью нашла маленькую оловянную кружку, зачерпнула креветок и высыпала в ее грязные руки. Она разом забросила все в беззубый рот и выудила еще одну монетку.

– Я возьму еще одну пригоршню для сына. Он подмастерье у галантерейщика. Сейчас он уже точно проголодался; принесу ему на работу.

Я высыпала ей на ладонь еще одну кружечку.

– Надеюсь, когда-нибудь куплю у него модную шляпку, – сказала я.

– У вас дома маленький, а? – она указала на мой распухший живот, выпиравший из-под фартука.

– Да, – солгала я.

– Маленький херувимчик, да? Или милый ангелочек?

– Девочка. Ее зовут Клара, и сейчас она с отцом, пока он не уйдет на работу.

– Чудесно. Берегите себя, – сказала женщина и хромающей походкой удалилась в толпу.

Я снова повернулась лицом к ноябрьскому утру.

– Свежие креветки! – крикнула я, когда бледное солнце наконец выползло над краем небосвода. – Прямо с лодки!

Глава 3

Шесть лет спустя

Январь 1754 года

Кезия[5 - Судя по всему, от библейского имени Иезекииль (прим. пер.)] выполнила свое обещание. Она вошла в дверь с бутылкой пива в руке, котомкой в другой руке и с улыбкой до ушей. Я убрала кучу выстиранного белья со стула Эйба, смахнула крошки с низкого табурета, которым мы пользовались в качестве стола, и налила пиво в кружки с обколотыми краями, передав одну из них подруге и усевшись напротив нее.

– Давай посмотрим, что я для тебя припасла.

Я восхищенно вскрикнула, когда она начала извлекать свертки одежды: ярды льняной ткани для верхних юбок в красно-сине-белую полоску, нижние юбки с кружевной отделкой, полушерстяные одеяла, фланелевые жакеты, чулки, панталоны...

– О, Кезия! – только и вымолвила я.

Моя подруга, торговавшая подержанной одеждой и разными безделушками на Тряпичном рынке в восточной части города, месяцами откладывала эти вещи – приносила их домой, чинила и укладывала в сундук до тех пор, пока я не смогу забрать мою дочь. Шесть лет я копила деньги и наконец добавила последний шиллинг в деревянную коробку из-под домино, которую хранила под матрасом. С этими двумя фунтами я могла оплатить половину стоимости годового ухода за Кларой, без чего ее могли бы и не отпустить. Иногда, если наступала

бессонница, я доставала эту коробку и встряхивала ее, чтобы успокоить мысли. Вот и сейчас я вытащила коробку из тайника и встряхнула ее; Кезия ухмыльнулась, чокнулась с моей чашкой, и мы обе закудахтали, как девчонки.

Я устроилась на полу, перебирая ее добычу и испытывая приятное головокружение. Косые лучи солнца проникали в высокие окна, открытые ради свежего воздуха, и звуки со двора доносились в комнату. Была суббота – один из ослепительно-ярких зимних дней, я закончила работу на час раньше обычного и сразу отправилась домой с тремя сдобными булочками с изюмом. Одну я собиралась разделить с Эйбом, другая предназначалась для Кезии, а третья для Клары.

– Мне все нравится, вообще все, – сказала я.

– Я выстирала их для тебя, – сказала Кезия и начала складывать одежду. – Куда мне положить все это?

Я взяла особенно нарядную красную блузку, слегка выцветшую от носки, но в целом в хорошем состоянии. Интересно, волосы моей дочери такие же, как у меня, темно-каштановые с рыжими искрами? Если да, то красный и алый цвета прекрасно подойдут ей... и я улыбнулась, представляя серьезную темноволосую девочку в красной блузке.

– Еще у меня есть чепцы для дома и для улицы, – сказала Кезия. – Пока собирала все это, почти захотелось родить девочку.

Как обычно, она оставила дома своих сыновей, Мозеса и Джонаса, потому что ей не нравилось, когда они оставались на улице, – не из страха, что они попадут в дурную компанию и свяжутся с преступниками или порочными людьми. Кезия была темнокожей, как и ее муж Уильям Гиббонс. Хотя они были свободны от рождения, никому не принадлежали и могли заниматься определенными видами торговли или ремеслами в пределах закона, в Лондоне ежедневно пропадали темнокожие мальчики. Мозеса и Джонаса, которым было восемь и шесть лет, в любой момент могли похитить на улице, словно две спелые сливы у торговки фруктами, доставить в какой-нибудь особняк на Сохо или Лестер-Филд, нарядить в тюрбаны и превратить в забавных домашних питомцев. По крайней мере, так говорила Кезия. Я не слышала ни о чем подобном, но она была чрезвычайно осторожна, тем более что дети росли на редкость красивыми и

умными. Это означало, что пока они не подрастут и Кезия не будет совершенно уверена, что они смогут постоять за себя, их жизнь будет в основном протекать в двух комнатах полуподвального этажа пансиона в Хаунстиче, расположенном в лондонском Ист-Энде. Большую часть времени о них заботилась пожилая еврейская вдова, проживавшая на первом этаже. Ее муж Уильям был скрипачом, который научился играть в доме хозяина его матери. Он зарабатывал на жизнь, выступая со скромными музыкальными сопровождениями в тех самых домах, где могли находиться похищенные сыновья из других темнокожих семей[6 - В 1723 году в Англии был принят закон о том, что дети темнокожих подневольных слуг в домах состоятельных особ становятся свободными людьми и приобретают гражданство (прим. пер.).].

Я познакомилась с Кезией холодным утром пять лет назад, когда искала новые ботинки – по роду моей работы мне приходилось менять их раз в полгода, – и мы быстро подружились. Она была на два года старше меня и имела то, чего мне больше всего хотелось: мужа и двух любящих детей, которые смотрели на нее как на богиню и ангела-хранителя одновременно.

Я отнесла кучу одежды в спальню, опустилась на колени у сундука с моей собственной одеждой и начала аккуратно складывать обновки. Кезия устроилась на другом конце кровати с кружкой в руке, сбросив туфли и поджав ноги под себя.

– Она будет спать здесь с тобой теперь, когда Нед ушел из дома?

– Да. – Я разгладила желтую юбку с голубыми цветочками и положила ее сверху.

– Ты волнуешься? – судя по ее тону, она сама была взволнована.

– Да.

– Но ты не дожدهшься, когда встретишься с ней?

– Ну конечно!

Кровать скрипнула, когда она немного передвинулась.

– Не представляю, каково тебе будет при первой встрече с ней. Ты же ее мать... Сможешь ли ты узнать ее в комнате, полной других девочек?

– М-м-м...

– Бесс, – сказала она после небольшой паузы. – У тебя есть сомнения?

Я аккуратно закрыла крышку сундука, – материнского сундука, украшенного резными розами. Это была громоздкая и старомодная вещь, но я бы никогда не продала ее. В самом низу лежала ее ночная рубашка, уже пропахшая плесенью от возраста. Я помнила, как она носила эту рубашку, когда грела молоко на огне и ходила босой по нашим комнаткам, развешивая и снимая выстиранное белье. Мать умерла в этой рубашке, но ведь она и жила в ней, поэтому когда я была гораздо моложе, то набрасывала ее себе на спину, как накидку, и заворачивалась в рукава.

– Бесс?

– Что, если она умерла? – очень тихо спросила я.

– Уверена, что такого не могло случиться. Там хорошо заботятся о детях, у них есть врачи и лекарства. Там у нее лучшие шансы выжить, чем здесь.

Я перевела дух.

– Полагаю, завтра все выяснится. Сколько я должна тебе за одежду?

– Нисколько.

Я улыбнулась ей.

– Спасибо тебе.

– Не стоит благодарности. – Она подмигнула. – Почему бы тебе прямо сейчас не отправиться в госпиталь? Ты готова, не так ли? Ты шесть лет готовилась к этому.

– Прямо сейчас?

– А чего ждать? Карету? Следующего вторника? У тебя есть деньги.

В моем животе забурлило, как в садке с угрями на голландском рыболовном судне. В желудке все скользило и извивалось.

– Не знаю, – пробормотала я.

– Что говорит Эйб?

Я отхлебнула пива.

– Ну, он не выходит из себя, но пообещал придерживаться истории о том, что она – наш маленький подмастерье, который будет жить с нами и работать со мной, учиться торговать на улице. Она уже почти достаточно взрослая для этого.

Кезия не ответила. Я знала: она считает, что детей нельзя выставлять на работу с шестилетнего возраста, но ей приходилось держать своих сыновей дома так долго, как только возможно. У нее была полноценная семья, а у меня нет. Тем не менее я попытаюсь сделать лучшее, что было в моих силах. Завтра, когда я заберу мою дочь, то отведу ее посмотреть на львов в Лондонском зоопарке, как Эйб это делал для нас, когда мы были детьми и когда мама была больна или слишком уставала. Но я не буду искать на улицах дохлую собаку, чтобы покормить львов в качестве платы за вход, как это делали мы; нет, я заплачу наличными, и ярким зимним утром Клара возьмет меня за руку и будет дрожать от страха и восторга при виде этих золотисто-желтых зверей. Наверное, они будут сниться ей по ночам, а я буду гладить ей волосы и говорить, чтобы она не боялась. Нет, дохлая собака не пойдет – я не собиралась быть такой матерью.

– Ты приведешь ее на Тряпичный рынок, да? – спросила Кезия и осушила свою кружку.

Я кивнула и отряхнула свои юбки. Я надеялась, что то странное ощущение у меня в животе было надеждой, а не ужасом. Но если так, почему мне хотелось плакать? Я представила, как возвращаюсь домой к сундуку, набитому одеждой,

которую никто не будет носить, к сдобной булочке, которая никогда не будет съедена, и мне стало плохо от беспокойства.

– Бесс, – Кезия устремилась мне навстречу, опустилась на тряпичный коврик на полу. – Она придет к тебе, и ты снова станешь матерью. Ты так долго ждала этого, и сейчас ей не угрожает никакая опасность. Она больше не младенец. Она готова вернуться домой, работать с тобой, быть любимой и любить тебя. Все, что ей нужно, – это быть здесь.

У меня вытянулось лицо.

– Я думала, что так оно и есть, Кез. Но что, если этого будет недостаточно? – Я попыталась увидеть наши комнатухи глазами ребенка, который впервые видит их: кривые полки с щербатой посудой, ветхое постельное белье, скошенный потолок и тряпичные коврики. Я могла бы купить ей игрушку или куклу – ох, почему я не купила ей куклу? – и оставить на подушке к ее прибытию домой.

Кезия взяла мои руки и устремила на меня взгляд своих больших карих глаз.

– Бесс, – сказала она. – Этого более чем достаточно.

Настал тот самый день, часы пробили восемь, и еще один час был потрачен на беспокойные хлопоты и уборку. Эйб изъявил желание уйти из дома и сказал, что он собирается в доки разузнать, что пишут в газетах. Я переложила обернутые в ткань сдобные булочки на самую верхнюю полку, чтобы мыши не смогли добраться до них, последний раз обвела взглядом комнату и дрожащей рукой закрыла за собой дверь.

– Доброе утро, Бесс. – Нэнси Бенсон стояла на лестнице, занимая всю ширину проема, так что я не могла прошмыгнуть мимо нее без особых разговоров. Ее комнаты находились на другом этаже, но для нее не существовало недоступных мест; она сновала вверх-вниз, как грузная мышь.

– Доброе утро, Нэнси. Сегодня погожий денек.

– Собралась в церковь, раз уж надела лучшую юбку?

Я стояла в трех или четырех ступеньках над ней и ждала, когда она подвинется в сторону. Она знала, что я не собиралась в церковь.

– Я собираюсь забрать нашу новую помощницу.

Брови Нэнси поползли вверх.

– Для Абрахама?

– Нет, для меня. Она будет помогать мне торговать вразнос на улице.

– Значит, девочка? Признаться, нынче редко можно встретить девочку на месте подмастерья.

– Редко можно встретить и мальчиков, которые торгуют едой вразнос. – Я начала спускаться, и она прислонилась к стене своей широкой спиной. Деревянные ступени жалобно скрипели, когда я проходила мимо нее. Нэнси жила здесь последние десять лет и большую часть этого времени была вдовой. Она зарабатывала на жизнь изготовлением веников, поэтому ее руки всегда были красными и исколотыми.

– Значит, девочка будет жить с вами?

– Да.

Я не сомневалась, что Нэнси разнесет эту новость по всей округе и обсудит со всеми местными сплетницами. Она знала, что у меня был ребенок; невозможно было спрятать раздувшийся живот. Мой позор вызывал у нее ликующий внутренний трепет, и она много раз пробовала выпытать у меня, кто был отцом ребенка, но я отмалчивалась, получая удовольствие от ее досады.

– Как поживает твой брат Нед?

Я остановилась у подножия лестницы и взялась за ручку перил, которую Нед вечно сшибал и закатывал в коридор. Она до сих пор болталась, и я pokrutila ее взад-вперед.

– У него все хорошо.

– А Кэтрин и малыши?

– Спасибо, все замечательно.

– Вот и славно, – разочарованно отозвалась Нэнси.

Она всегда была добра к Неду, хотя он относился к ней как к глупой дворняжке. Она помогала ему до появления закона, разрешившего открывать джинные лавки; когда она осознала его слабость, то открыла самогонную лавку в собственной комнате, где занималась перегонкой зерна и продажей спиртного. Нед был ее самым верным и ценным клиентом. Тогда он проводил больше времени у нее, чем у нас. Я слышала, как он ложился на соседнюю кровать, вернувшись от нее, и начинал храпеть, воняя скипидаром, и знала, что внизу Нэнси ворочается и вздыхает в своей постели. Судя по тому, как она глядела на меня, я не сомневалась, что она расспрашивала Неда о Кларе и старалась вытащить историю моего позора у него изо рта, как шелковый платок из кармана. От запаха ее самогонной стряпни у меня слезились глаза, но для Неда годилось все что угодно. Он называл ее самогонную лавку «Женевским дворцом», что вызывало у меня отвращение, как будто это была какая-то экзотическая и возвышенная вещь. Когда он познакомился с Кэтрин, мне показалось, что его жизнь может повернуться в правильную сторону. Она была дочерью мясника из Смитфилда, тощей как щепка и достаточно острой на язык, чтобы приструнить его. Но семья не исправила его. Сначала родилась их дочь Мэри, потом два недоношенных ребенка, умерших в младенчестве, а несколько месяцев назад появился мальчик Эдмунд. Но отцовство забрало у Неда что-то жизненно важное, как будто, порождая детей, он терял часть самого себя, и он стал превращаться в бледную тень. Он часто пропадал целыми днями, иногда даже на две недели. Когда-то я надеялась на его будущее.

– Ты недавно видела его?

– Неделю назад. – Я вставила ручку на место и прихлопнула ладонью. – Мне пора идти, Нэнси.

– Я помолюсь в Сент-Брайде за его мальчика, Эдмунда.

– Большое спасибо.

– А что касается его отца, пусть Господь избавит его от демонов.

От демонов, которых ты закупориваешь в бутылки. Мы немного помолчали.

– Очень мило с твоей стороны. Всего хорошего, Нэнси.

Я много раз подходила к госпиталю, но останавливалась у ворот. Домик сторожа находился на прежнем месте, его круглое окно, похожее на глаз, смотрело на улицу. Низко нависшее серое небо давило на грязно-желтый булыжник мостовой, и стрелка на циферблате указывала на четверть десятого. Несколько минут я стояла на пыльной дороге и вспоминала ту ночь, – темноту, тянущую боль между ног, заляпанные юбки под колесом кареты и судорожно скрюченные пальцы той бедной женщины.

В двери появилось лицо привратника. Я выпрямила спину и разгладила юбку в надежде, что выгляжу прилично.

– Я пришла забрать моего ребенка, – обратилась я к нему.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

– У вас есть плата за содержание?

Я ощутила пустоту в желудке.

– Да, – ответила я увереннее, чем чувствовала себя. Конечно же, платы за полгода должно было хватить, но я боялась спрашивать, потому что тогда он мог не пустить меня внутрь. Если этого окажется недостаточно... не стоит думать о подобных вещах. Я вдруг представила, каково будет встретиться с моей дочерью после стольких лет, когда она узнает, что мать пришла за ней, а потом ее уведут от меня, и она будет плакать и тянуться ко мне... Что, если они захотят получить двадцать фунтов? Мне за всю жизнь не накопить столько денег. В левом ухе слабо зазвенело, и у меня закружилась голова.

– Сюда, мисс. Пройдите до конца, потом поверните налево.

Я поблагодарила привратника и пошла вперед, механически переставляя ноги. Подъездная дорожка была широкой и пустой; откуда-то доносилось детское пение. У меня подкашивались ноги. Моя дочь находилась где-то здесь. Если она не умерла, прозвучал тихий голосок, поселившийся, как червь, у меня в голове.

Лужайки перед госпиталем были заняты группами мальчиков, которые сидели рядами и плели веревки или сети. Они носили одинаковые светло-коричневые тужурки с белыми рубашками и красными шарфами, повязанными вокруг шеи, и они коротко поглядывали на меня, когда я проходила мимо. Казалось, они чувствовали себя непринужденно и общались друг с другом, сидя со скрещенными ногами, пока их руки занимались делом. Среди белых лиц одно было шоколадно-коричневым, и я ненадолго задержала взгляд на нем, вспоминая младенца, которого я нашла в траве и положила в сторожку привратника. Он был немного похож на Мозеса Гиббонса, с такими же короткими курчавыми волосами и гибкими руками. На вид ему было примерно столько же лет, как и Кларе. Он почувствовал на себе мой взгляд и уставился на меня округленными любопытными глазами. Возможно, каждый ребенок гадал, не является ли очередная посетительница его матерью. Я улыбнулась мальчику, и он поспешно вернулся к работе.

Я помедлила перед большой черной дверью, ведущей в левое крыло здания, прежде чем открыть ее и войти внутрь. Меня встретили знакомые запахи мебельной полироли и готовящейся еды. У меня забурчало в животе, ноги снова ослабели. Я прислонилась к двери, ощущая в ушах звенящую тишину. Я едва могла поверить, что нахожусь здесь, готовая забрать мою дочь после долгой разлуки. Но захочет ли она уйти со мной? Не будет ли ей лучше остаться здесь, где она точно завела подруг, где у нее есть горячая еда и крыша, не протекающая от дождя? Скоро она может стать прислугой и попасть в

роскошный дом с доброй госпожой. Но потом я вспомнила слухи о нескольких девочках из соседних дворов, которых отправили работать служанками в дома Вест-Энда и о которых больше никто ничего не слышал. Скорее всего, они забеременели от своих хозяев и их выдворили на улицу безо всяких рекомендаций. По крайней мере, такая участь не постигла меня, хотя чем я отличалась от них?

Ко мне подошла миниатюрная женщина в переднике.

– Чем я могу вам помочь?

– Я пришла за своим ребенком.

В ее взгляде было больше теплоты, чем в глазах привратника.

– Как чудесно, – с чувством сказала она. – Тогда я провожу вас в нужное место.

Вокруг не было никаких признаков детей, кроме отдаленного пения, и если бы я не видела мальчиков, плетущих сети на лужайке, то могла бы подумать, что их тут нет. Дети всегда были шумными, они кричали, смеялись и бегали друг за другом – по крайней мере, в городе. Даже сегодня утром я слышала их крики, когда выносила во двор обглоданные кости для собаки. Наверное, местные дети были очень воспитанными, они ходили неторопливо и тихо садились на свои места, как маленькие аристократы.

Меня препроводили в маленькую комнату, пропахшую сигарным дымом. Мое сердце гулко билось в груди, и я была рада опуститься на стул перед большим полированным столом. Окно выходило на поля, которые простирались за пределами Лондона. Возможно, Клара привыкла к таким пейзажам, где нет ничего, кроме деревьев и неба. Что она подумает о наших комнатах, где из окна можно было видеть только крыши и каминные трубы?

Дверь за мной открылась и снова закрылась. Невысокий, тщедушный мужчина в аккуратном парике обошел вокруг стола и уселся напротив меня.

– Доброе утро, мисс.

– И вам того же.

– Меня зовут мистер Симмонс, и я один из местных сотрудников. Вы пришли забрать вашего ребенка из госпиталя?

– Да, – ответила я и тяжело сглотнула. – Меня зовут Бесс Брайт. Я пришла забрать мою дочь. Я оставила ее здесь двадцать седьмого ноября, шесть лет назад.

Он сдержанно кивнул, показав макушку парика.

– Шесть лет, говорите? Тогда она должна находиться здесь в полном здравии. Вы оставили опознавательный знак?

В полном здравии.

– Да, – мой голос дрогнул, – кусочек китового уса, вырезанный в форме сердца. Половины сердца. Другая половина... она осталась у ее отца. На том фрагменте, который я отдала, были вырезаны две буквы, «Б» и «К».

– И вы готовы внести плату за содержание и воспитание вашей дочери?

– Сколько?

– Ну, вы сказали, что принесли ее в ноябре...

– 1747 года от рождения Господа нашего.

– Значит, это шесть лет и...

– И почти два месяца, до настоящего дня.

Он согласно кивнул, достал перо и стал подсчитывать столбики цифр.

– Всего выходит шесть фунтов, и еще я должен...

– Шесть фунтов? – Я повысила голос, и он замолчал. – У меня нет шести фунтов.

Он заморгал и посмотрел на меня. Его перо мелко дрожало над бумагой.

– Когда вы отдавали вашу дочь под опеку, было ясно указано, что возмещение будет составлять один фунт за один год содержания и обучения.

– Я... я не... я не могу... Как люди получают своих детей обратно?

Я думала о мешочке с пенсовыми и трехпенсовыми монетами у меня в кармане, который медленно, очень медленно становился тяжелее. Теперь мне казалось, что я медленно ухожу под землю.

Он почесал голову под париком, который зашевелился, как живое существо.

– Я возьму бумаги вашей дочери, и тогда мы сможем обсудить условия договора, когда я ознакомлюсь с ее делом.

Он выглядел слегка обеспокоенным; его взгляд не был враждебным, но губы сомкнулись в жесткую линию, как будто он не привык сообщать хорошие вести.

Я понимала, что он оставил недосказанным. Давай сначала проверим, что она не умерла. Должно быть, многие женщины приходили сюда и слышали, что их дети не выжили. Я старалась улыбаться мистеру Симмонсу, хотя мои нервы были на пределе.

– Мисс Брайт, перед уходом я хочу спросить, изменились ли ваши жизненные обстоятельства, – сказал он.

– Мои жизненные обстоятельства?

– Именно так.

– Я не замужем, если это вас интересует. И я не поменяла работу с тех пор, как принесла сюда мою дочь.

– Вы не обременены долгами? И вы поддерживаете домашнее хозяйство в добром порядке?

– У меня нет долгов, и я стараюсь, как могу.

– С кем вы проживаете?

Я была так непривычна к подобным фразам, что мне понадобилось сделать усилие над собой и собраться с мыслями, чтобы понять его. У меня все плыло перед глазами. Шесть фунтов!

– С моим отцом. Моя мать умерла, когда я была ребенком, поэтому я знаю, каково жить без матери.

Он многозначительно посмотрел на меня.

– И вы можете гарантировать, что расходы по уходу за ней не лягут на вашу церковную общину, пока девочка не достигнет зрелого возраста?

– Я могу это гарантировать, хотя должна признаться, что не вполне понимаю вас. Я сказала, что у меня нет шести фунтов. У меня есть два фунта, и все эти годы я откладывала деньги, чтобы накопить такую сумму.

Какое-то время мистер Симмонс продолжал смотреть на меня, поджав тонкие губы.

– Мисс Брайт, лишь немногие матери приходят забирать детей из нашего приюта. Забирают трех-четырёх детей в год из четырехсот воспитанников. Поэтому, в рамках разумного, мы делаем все возможное для родителей, которые возвращаются за своими детьми. Вы меня понимаете? Вы собираетесь приставить ребенка к работе?

– Она будет работать рядом со мной.

– В каком качестве?

– Я уличная торговка: я продаю креветок с лотка моего отца на Биллингсгейтском рынке. Она будет смотреть и учиться, а потом помогать мне.

Почему я не солгала? Все ее уроки и обучение пропадут впустую – ее швейные навыки, если она начала осваивать их, будут такими же бесполезными, как разбитый чайник. Теперь все пойдет прахом. Мне не позволят забрать ее домой – во всяком случае, не сейчас.

Должно быть, смятение было написано у меня на лице, ибо мистер Симмонс немного подался вперед и тихо сказал:

– Хотя это не официально, но мы стремимся к тому, чтобы как можно больше детей могли воссоединиться со своими семьями. Мы не считаем себя вправе судить о семейных обстоятельствах. Поэтому, если вы готовы взять на себя ответственность за вашу дочь и надлежащим образом заботиться о ней, то мы готовы передать ее под вашу опеку за любую сумму, которой вы располагаете. Для того чтобы забрать ее, вам нужно будет подписать расписку о передаче ребенка под вашу опеку, оставить ваше имя и адрес. Это нечто вроде контракта, понимаете? Итак, вы можете припомнить, когда принесли ее в наш госпиталь?

– Двадцать седьмого ноября 1747 года. А памяткой была половина сердечка из китового уса.

Он кивнул и вышел из комнаты. Все мышцы в моем теле ныли от напряжения. Я помассировала одеревеневшую шею, покачала плечами, потом встала и подошла к окну, чтобы немного отвлечься. Сцена за окном, неподвижная, была похожа на картину. Я потерла ладони под плащом; мне было холодно. В коридоре зашумели: я услышала детские голоса и топот ботинок по каменному полу. Я подошла к двери и чуть приоткрыла ее. Восемь или десять пар девочек проходили мимо одна за другой – все в светло-коричневых платьях и белых чепцах. Я вглядывалась в их лица, пытаюсь обнаружить знакомые черты. Некоторые из них бросали взгляд на меня и тут же отворачивались, поглощенные своей болтовней. Внезапно они исчезли, и дверь в коридоре закрылась за ними, оставив только звенящую тишину. Я вернулась обратно и медленно опустилась на стул. Я надеялась, что когда увижу Клару, то сразу же узнаю ее, что мы связаны невидимой нитью, тонкой и прочной, как паутина. Я подумала о веревках, которые плели мальчики во дворе, свивая и перевязывая шнуры ловкими пальцами. Скользящий белый шнур пуповины был прикреплен к моей дочери, когда она появилась на свет. Он был жутким, как угорь, и молочно-

белым, как жемчуг, с мясистой нашлепкой на другом конце. Повитуха бросила все это в огонь.

Мистер Симмонс долго не приходил. Он сказал, что собирается взять ее бумаги, но что, если он вернется вместе с Кларой? Я не ожидала, что это произойдет, и не была готова. Когда дверь начала открываться, я ухватилась за края стула, чтобы не устремиться навстречу. Но мистер Симмонс пришел один, с документами в руке, перевязанными голубой лентой. Я осталась на месте, потому что он не стал садиться, а его лицо было озадаченным. Он взял монокль со стола, разложил документы и довольно долго изучал верхний пункт.

– Вы сказали, что принесли вашу дочь двадцать седьмого ноября 1747 года.

Я кивнула.

– Предмет, который вы оставили, был сувениром из китового уса. Как вы сказали, половина сердечка с буквами Б и К.

– Да.

Он нахмурился и жестко посмотрел на меня.

– Вы Элизабет Брайт?

Я уставилась на него.

Он подтолкнул документы ко мне через стол.

– Мисс, вы раньше видели эти документы?

– Я не умею читать, – ответила я и подергала голубую ленту. Страх наполнял меня, как струя воды из водокачки наполняет пустое ведро. – Это ее лента? Она умерла?

Изящный почерк был для меня бессмысленными завитушками на плотной кремовой бумаге, но я видела номер 627, и это было все равно, что прочитать ее имя.

Мистер Симмонс, наверное, целую минуту смотрел на меня. Потом он моргнул и передвинул документы на свою сторону стола. Лента осталась лежать между нами, и я отчего-то подумала: как жаль, что такую красивую вещь запирают в ящик.

– Мистер Симмонс, я ничего не понимаю, – сказала я. – Она умерла?

Клерк тяжело опустился на стул и аккуратно вынул монокль из глаза.

– Ребенка номер 627 много лет назад забрала ее мать.

Наступила полная тишина, не считая звона у меня в ушах. Я раскрыла рот, закрыла его и сглотнула.

– Ее мать? Простите, сэр, я не понимаю. Мы говорим о моей дочери Кларе?

Он почесал свой парик с видом человека, не знающего, что и сказать.

– Мы не записываем имена детей; после крещения они получают новые имена. По соображениям конфиденциальности, как вы понимаете.

У меня разболелась голова, как будто я держала на ней свое корытце для уличной торговли, наполненное мыслями и загадками. Глаза мистера Симмонса светились тревогой и участием.

– Ребенок номер 627, вы уверены? Может быть, вы ошиблись с датой, когда принесли ее?

– Нет, конечно, нет. Это ее день рождения, и я буду помнить его до конца моей жизни. Каждый год я ставлю свечу за нее. А 627... мне сказали, что это ее номер. Я помню его так же хорошо, как мое имя.

Где-то в комнате тикали часы, и у меня возникло впечатление, будто я наблюдаю за этой сценой откуда-то сверху. Я по-прежнему хваталась за края стула; костяшки пальцев побелели от напряжения.

- Может быть, ее отец... - начал он.

- Ее отец умер.

Последовала долгая пауза.

- Значит, вы говорите, что кто-то забрал Клару? - спросила я. - Мою дочь?

Страх прошел, сменившись осознанием беды, тяжело давившим на меня и путавшим мои мысли. Произошло нечто ужасное, чего я не могла и вообразить, но...

- Подождите, - сказала я. - Как ее звали? Как звали женщину, которая забрала ребенка?

Мистер Симмонс поднес монокль к бумаге.

- Здесь сказано: «Ребенок № 627 был востребован двадцать восьмого ноября 1747 года ее матерью Элизабет Брайт, проживающей по адресу Олд-Бейли-Корт, дом три, Лудгейт-Хилл, Лондон».

Он повернул бумагу ко мне и показал подпись под словами: неровную букву X, как будто выведенную в большой спешке. Комната качнулась вбок, но странным образом стеклянное пресс-папье, свеча и бумаги на столе не скатились на пол. Я подождала, пока комната не перестала вращаться; это произошло примерно спустя полминуты. Протянув руку, я прикоснулась к букве X, перечеркивавшей мою жизнь.

- Это я, - прошептала я. - Но этого не может быть... - Потом я вскинула голову. - Вы сказали, что ее забрали двадцать восьмого ноября 1747 года! Это... это...

- На следующий день после того, как ребенка принесли к нам. Послушайте, мисс Брайт: боюсь, что ваша дочь не находится под нашей опекой уже более шести лет.

Я уже давно не думала об отце Клары. Еще больше времени прошло с тех пор, как я встретила с ним. Я помню его лицо не лучше, чем лицо моей матери. Как и от нее, у меня осталось лишь впечатление: кожаный камзол, высокий рост, светлые глаза, – были ли они голубыми или зелеными? – и его улыбка в клубах табачного дыма. Он дал мне свою глиняную трубку: маленький гладкий предмет с его инициалами, вырезанными сбоку. Это не было сентиментальным жестом, – он дал мне ее поддержать на короткое время, и я забыла отдать ее. Без сомнения, дома у него было еще несколько таких трубок; у всех состоятельных людей есть много одинаковых вещей, и они не замечают мелкие пропажи. Я помню, как лежала в постели и водила пальцем по инициалам Д и К, обозначавшим его имя, Дэниэл Каллард. Я не умела читать, но знала эти буквы, а когда я не смогла найти его, то выбросила трубку в Темзу. Впоследствии я пожалела об этом, когда узнала о его смерти. Люди бросали в реку всевозможные вещи, включая самих себя. Я немного думала об этом после того, как узнала, что его больше нет, а я ношу его ребенка. Но река была самой оживленной улицей в Лондоне, и утонуть там было не самым быстрым или незаметным делом, при том что сотни мелких и крупных судов бороздили воду от Миддлсекса до берегов Суррея. Скорее я попала бы под пакетбот или меня разрезал бы пополам нос торговой шхуны, прежде чем я утонула бы. Еще меньше я размышляла над другими вариантами: выпрыгнуть из окна или утопить себя в джине, превратившись в одно из раздутых существ, валявшихся в переулках. Ни то ни другое не выглядело особенно привлекательным. Кроме того, я ощущала жизнь, растущую внутри меня, и знала, что не могу одним махом погасить две свечи. Возможно, смерть приносит таким людям, как Дэниэл Каллард, мир и покой там, где солнечный свет падает через листву на могильные плиты церковного кладбища, а надгробия украшены свежими цветами. Но я знала, как переполнены сухие и бесплодные погребальные места, предназначенные для людей вроде меня. Я чуяла вонь их гниющей массы и пока что не спешила присоединиться к их тяжкому сну.

Однажды, когда мы были маленькими детьми, Нед сказал мне, что по ночам мертвецы вылезают из-под тонкого слоя кладбищенской земли и ползают по улицам и дворам в поисках детей, чтобы забрать их с собой в могилу. По его словам, они прятались в тени и даже в вечерние часы поджидали своих жертв. Я

очень боялась выходить из дома, цеплялась за мамины юбки и умоляла ее не выпускать нас из дома. Когда я рассказала почему, Эйб отвесил Неду тяжелую затрещину. Потом, когда мать умерла и мы с Недом лежали в наших узких кроватях, я спросила его, правда ли, что она тоже будет ползать по улицам и искать нас. Он прижал меня к себе и заверил, что это неправда, а когда я отодвинулась, то вид его лица в лунном свете напугал меня: он казался очень взрослым и печальным. Тогда смерть нашей матери была самым ужасным на свете, и мы каждую ночь прижимались друг к другу, а Эйб замкнулся в своем безмолвном горе. Какими маленькими мы были!

Когда я возвращалась из госпиталя, ноги сами привели меня к кофейне Рассела, куда я не приходила уже довольно давно. Кофейня располагалась над свечной лавкой, а перед входом сидел позолоченный деревянный лев с оскаленной пастью. Я ни разу не бывала внутри, потому что я женщина, но если день был долгим, то между завтраком и обедом я иногда бродила по улицам вокруг лондонской биржи со своим корытцем, ожидая, пока мужчины не высыпят на улицу из своих контор и присутственных домов – головы их будут под завязку забиты деловыми контрактами, новостями о поставках товара и другими вещами, но желудки пусты. Иногда они покупали у меня горсть креветок, а иногда хотели ухватить кое-что еще. Я видела, что делает кофе с их глазами: зрачки становились большими и черными, как будто они смотрели не на меня, а в свою душу.

Я познакомилась с Дэниэлом темным утром, примерно через месяц после Рождества. Было очень холодно, и дверной проем, из которого он вышел, казался теплым, ярким и дружелюбным. Мой взгляд был устремлен туда, и наверное, я на мгновение забыла обо всем. Потом я осознала, что он внимательно рассматривает меня в сером утреннем сумраке. За его ухом торчал тонкий свинцовый карандаш.

– Даю пенни за них, – сказал он, и я вышла из полузабытья, выпрямилась и закрыла рот.

– Прошу прощения, сэр?

– Даю пенни за них, – повторил он, указывая на свою голову, пока я ощупью искала мою весовую кружку.

– Они стоят два пенса за треть пинты, сэр, – сказала я. Он рассмеялся и покачал головой.

– Нет, за твои мысли.

Я так удивилась, что он захохотал, и в воздухе между нами потеплело. От него пахло кофе, опилками и еще чем-то приятным... шерстью? Или лошадиным волосом?

После той первой встречи я стала снова и снова возвращаться к кофейне и расхаживала перед освещенным входом, словно мотылек, привлеченный его светом. Сумерки наступали рано, и в середине серого дня, когда небо постоянно грозило снегопадом, а облака наливались нездоровой желтизной, я видела его среди небольшой группы мужчин перед свечной лавкой. Они могли приходить и уходить, они были великолепны в темно-синих шерстяных пальто и котелках, стоя с расставленными ногами и непринужденными улыбками, потому что им было тепло и они легко могли снова согреться. Я шла по улице, не в силах смотреть на них или заговорить с ними, поэтому спряталась в дверном проеме и, собравшись с силами, пошла обратно, стараясь сделать так, чтобы он заметил меня. Наши взгляды встретились, словно трут и кресало, и меня охватило пламенем. Раньше я никогда не чувствовала себя пьяной от одного кивка, от единственного взгляда.

– Девушка с креветками, – сказал он, – где твое корытце?

Не помню, что я промямлила, – должно быть, что-то глупое, потому что из-за него моя голова, казалось, была набита ватой. Он приобнял меня, отчего я почувствовала себя маленькой и грациозной. Я надеялась, что от меня не сильно пахло креветками. Мы пошли в таверну – прокуренное место с низким потолком возле кожевенного рынка, где я впервые попробовала вино. Оно было сладким и липким, словно фрукты, размягченные под летним солнцем, и обожгло мне горло. Его спутники присоединились к нам – трое или четверо чиновников и торговцев, как он сам, – они называли его Кэлом, громко разговаривали друг с другом и курили трубки, пока я тупо сидела рядом. Женщины имели право доступа в таверны, и несколько шлюх спокойно расхаживали вокруг в поисках

клиентов. Некоторые из них присаживались к нам, болтая с мужчинами и заставляя меня чувствовать себя маленькой девочкой. Я кое-что узнала о Дэниэле: он был торговцем и поставщиком китового уса, который проводил много времени в Ротерхите и на Трогмортон-стрит, где находились «костяные лавки». Они говорили о человеке по фамилии Смит и о другом человеке, по фамилии Тэллис. Между тем я выпила еще одну чашку вина, а потом, когда шум и табачный дым стали почти невыносимыми, он встретился со мной взглядом, улыбнулся и спросил, не хочется ли мне направиться в более тихое место. Я кивнула, снова надела позабытый чепец, и мы вышли на улицу. Было уже темно, и я точно не знала, где мы находились, потому что переулок был слишком узким, полным темных уголков и зданий, нависавших над нами и заслонявших свет луны. Я едва помню, что говорила, но он спросил, не холодно ли мне. Я сказала «да», и он дал мне свое пальто, – чудесное теплое пальто, доходившее ниже колен, – а потом поцеловал меня. От него пахло вином и трубочным табаком. Моя спина уперлась в стену, и он обхватил меня за голову, склонившись ко мне. Потом его руки передвинулись ниже, ощупывая мое тело и мои юбки, и я прижалась к нему, позволяя его пальцам щупать меня снаружи и внутри. Раньше я часто видела на улицах молодых любовников, пожилых любовников и мужчин, кончавших шлюхам в разные места. Я никогда не думала, что стану одной из них, и не думала о мужчине – тем более, о богатом торговце, – который захочет поразвлечься со мной в темноте. Это был мой самый безрассудный поступок. Раньше я не гуляла с мужчинами, если не считать одного или двух случаев с наиболее смелыми парнями из Биллингсгейта, вроде Томми.

Когда мы закончили, я сунула руки в карманы его пальто, которое по-прежнему было на мне, и достала то, что лежало внутри: короткую глиняную трубку, пропахшую табаком, несколько монет, которые я сразу положила обратно, и еще что-то странное. Я поднесла предмет к тусклому свету и увидела две половинки сердца, точно пригнанные друг к другу по зубчатой линии.

– Это от твоей милой? – спросила я.

– У меня ее нет, – ответил он, взял одну половинку и отдал мне другую. – Это тебе на память.

Он улыбнулся уголком рта, запустил руку в карман своего пальто у меня на плечах и достал перочинный ножик. Потом спросил, как меня зовут, и когда я ответила, что-то вырезал на кости и передал мне. Он жестом указал на пальто, и я сняла его, сразу почувствовав жгучие укусы февральского холода.

– Нечестно, что ты не назвал мне свое имя, – робко сказала я.

– Каллард.

– Нет, твое первое имя.

– Дэниэл. Мы еще увидимся, Бесс Брайт. – С этими словами он направился к огням и шуму таверны, пока я стояла на месте, дрожала, чувствуя, как испаряется действие вина, и сжимала в руке его подарок. Я почти собралась отдать его обратно, но не могла снова заставить себя войти в это яркое и многолюдное помещение. Вместо этого я повернулась к реке и пошла домой.

Несколько раз после этого я приходила и ждала его. Я встретила с ним в среду и потом приходила каждую следующую среду, расхаживая по Грейсчерч-стрит, словно призрак, околавываясь возле двери два-три часа. Но Лондон поглотил Дэниэла Калларда. Как и у приливов Темзы, у города имелся свой темперамент, и он мог давать или забирать обратно. Когда зима сменилась теплой весной, я усилила свои поиски и нашла человека, чье имя он упоминал в разговоре. Он был владельцем одной из костяных лавок на Трогмортон-стрит и сам был похож на кость, с пергаментной кожей, обтягивавшей впалые щеки. Он сообщил мне, что торговец Дэниэл Каллард внезапно и скоропостижно скончался месяц назад. Он был превосходным коммерсантом, и на его похороны пришло много людей. Когда он обратил внимание на мой живот, то заметно помрачнел. Я поспешила уйти из его лавки и добралась до тихой аллеи, где меня стошнило.

Теперь я посмотрела на льва, потом подошла ближе и сунула руку в его разинутую пасть. Мне хотелось отвести нашу дочь ко львам перед Тауэром и показать ей, как они ходят и трутся гривами друг о друга. Я думала о сдобной булочке с изюмом, лежавшей на полке, и об Эйбе, который сидел на стуле и ждал нас. «Где она?» – спросит он. Где же она? Я думала о Дэниэле, который спал под землей. Я заплатила уличному мальчишке, чтобы он нашел для меня в газете апрельский некролог Дэниэла и прочитал его вслух. Он был очень коротким – одно или два предложения – и там упоминалось название церкви, где прошла похоронная церемония. Я не знала эту церковь, да и все равно время было упущено. Я жалела, что выбросила его трубку в реку; жалела, что не могу еще раз прижаться к ней губами.

На восточной окраине города за старой стеной находился Тряпичный рынок: четверть мили лотков и ларьков, где всю неделю, даже по воскресеньям, торговали поношенной одеждой. Больше всего народу там было по утрам, когда люди выходили из церкви, но к моему приходу во второй половине дня толпа сильно поредела, и морозная погода не отпугивала только самых смелых и одиноких покупателей, которые копались в обносках и мишуре вместо жареной птицы на семейном столе. В теплые месяцы лотки являли настоящее буйство красок – кроваво-красных, небесно-голубых, ярко-желтых и белоснежных, докуда мог видеть глаз, – но в это время года людям были нужны теплые куртки, толстые шарфы и прочная обувь.

Ларек Кезии находился на полпути вдоль Розмари-Лейн, и я видела, как она согнулась над кучей дамских жакетов и пальто. Каждое утро она привозила все это на тачке из Хаундсдитча и была одной из немногих торговок, которые заботились о своем товаре; она выводила пятна щелочным раствором, штопала дыры и прорехи. Какая-то женщина приценивалась к ее жакетам, поочередно расправляя рукава и качая головой. Когда я приблизилась к ларьку, она уже ушла, а Кезия сидела на табурете и дула на озябшие пальцы.

– Нет надобности простужаться, когда так мало покупателей, – сказала я нарочито бодрым тоном. Мой собственный шерстяной плащ был куплен у Кезии несколько лет назад. Если дела шли ни шатко ни валко, то мы коротали время, выдумывая истории о людях, которые раньше владели этими вещами. Мы сошлись на том, что мой плащ принадлежал прекрасной женщине, которая влюбилась в моряка, уплыла вместе с ним в Вест-Индию и продала свои теплые вещи, поскольку они были не нужны в ее новой жизни.

Кезия скорчила гримасу и встала, чтобы обнять меня.

– Похоже, что все уже успели приодеться. А те, кто не успели, сидят по домам.

Она присмотрелась ко мне, и на ее лице отразилось понимание. Потом она оглянулась по сторонам, как будто я могла спрятать Клару под юбкой.

– Где она?

- Ее там не было.

- Ох, Бесс... - лицо моей подруги вытянулось. - Она умерла?

Я покачала головой.

- Нет. Каким-то образом ее уже...

- Пенни за покраску! - крикнул продавец париков у меня за спиной, так что я вздрогнула. Он повторил свои слова на идиш и еще на трех языках. Я придвинулась к лотку и тихо сказала:

- Ее уже забрали.

Кезия заморгала.

- Кто?

- Вот это самое странное. У них написано, что это была я.

Она покачала головой, а я плотнее запахнула плащ.

- Та, кто забрала ее, назвала мое имя и адрес. Я не понимаю, Киз. У меня голова идет кругом. Я направилась сюда и даже еще ничего не сказала Эйбу. Он будет... - У меня перехватило горло, и я могла только шептать: - Мою дочь забрали на следующий день после того, как я оставила ее там. Все эти годы ее там не было... все это время.

- Что? Но кто это мог быть? Ведь Дэниэл...

- Да, он умер.

Кезия широко распахнула карие глаза.

- А что, если он не умер?

- Нет, умер. Об этом написали в газете.

- Ты не умеешь читать.

- Я заплатила мальчику, чтобы он мне прочитал. Он мертв, Киз.

- Пенни за покраску! – завопил продавец париков.

- Но почему кто-то решил забрать ее? Да еще от твоего имени?

- Во-первых, я не понимаю, как они узнали, кто я такая. В госпитале ты не называешь свое имя, свой адрес и все остальное для сохранения тайны личности. Но кто бы это ни был, он знает, кто я такая и где я живу. Каким образом?

Кезия поправила свой капор, заправив выбившиеся пряди черных волос.

- Теперь ты заставляешь меня нервничать.

- Понимаю.

- Может быть, они просто скрывают, что она умерла, и выдумали эту историю, чтобы ты не так сильно переживала?

- Полагаю, умирают многие дети, которых приносят туда. Но это не вина госпиталя: большинство детей попадает туда уже в полумертвом состоянии. Кроме того, их отправляют за город, где о них заботятся сиделки и кормилицы.

- И все-таки они могут быть виноваты. Что, если произошел несчастный случай, или...

- Киз, зачем им лгать?

- Что, если они продали ее?

– Кому? Кто купит младенца, который успел прожить только один день? Брошенных детей можно покупать по десятку за пенни. Они повсюду: лежат в придорожных канавах или в бедных лачугах. Половина семей на этой улице продала бы своих детей, если бы у них была такая возможность.

Кезия поежилась. В этот момент две маленькие фигурки устремились к нам, толкаясь и цепляясь друг за друга. Мозес, старший из братьев, перепрыгнул через кучу сапог в корзине. Джонас попытался последовать его примеру, но не допрыгнул и зацепился за ножку стола, отчего тот перевернулся, и чистая одежда Кезии оказалась на земле.

– Джонас, несносный грязнуля! Посмотри, что ты натворил! – Она принялась отчитывать мальчика, ухватив его за тощую руку. – Почему вы не остались у миссис Абельман? Я плачу за то, чтобы она присматривала за вами и не позволяла вам ползать, как вшам, по моей одежде.

Она поставила стол на место, а я стала подбирать и складывать одежду.

– Она разрешила нам поставить хлеб в печку, – с гордостью сообщил Джонас.

– Лек-хем, – сказал Мозес. – Это значит «хлеб» на идиш. А та-нур значит «печь».

– И где этот хлеб?

– Его сейчас готовят на пекарне!

– Заберите его и сразу же возвращайтесь к миссис Абельман, слышите? Не останавливайтесь, ни с кем не разговаривайте и больше не выходите из дома, даже если сам король явится сюда в паланкине.

Они бросились наперегонки мимо ботинок и нижних юбок, и Кезия смотрела им вслед, пока они не исчезли за углом. Из-за их шалостей я позабыла о своих бедах: дети умеют делать такое со взрослыми людьми. Я отряхнула несколько сорочек и положила их сверху.

– Ты слишком беспокоишься за них.

– Здесь не бывает никаких «слишком», – возразила Кезия.

Мы немного постояли, оглядываясь по сторонам. Люди прятали лица и руки от ледяного ветра. Здесь были лишь те, кто мог выйти на улицу в такую погоду, но у многих не было иного выбора. Уже смеркалось, а когда стемнеет, никто не будет покупать одежду. Лучшие вещи Кезии – блузки с цветочной расцветкой, полосатые и цветные шелковые ленты – были повешены на столбики из бондарной лавки позади нее. Эти вещи лучше выглядели в сумерках, когда нельзя увидеть вставок другого цвета, пятен пота на подмышках и количества щелока, понадобившегося для отбелики.

– Что ты теперь будешь делать? – спросила она, потирая руки.

Я погладила фиолетовую ленту.

– Не знаю. Я вернусь домой одна; Эйб будет спрашивать, где ребенок, и Нэнси Бенсон тоже не отстанет от меня, так что я буду выглядеть идиоткой. Я уже сказала Нэнси, что у нас будет подмастерье, и в Биллингсгейте все уже знают об этом. Не знаю, как все это вынести.

Кезия помолчала, обдумывая мои слова. За короткое время стало еще темнее, и когда я снова посмотрела на нее, то больше не видела отдельных черт ее лица, тонких морщинок в уголках глаз.

– Возможно, сейчас она живет лучше, чем ты смогла бы устроить для нее, – тихо сказала она.

– Да. – Я глухо рассмеялась. – Возможно, герцогиня удочерила ее и теперь учит ее живописи и игре на фортепиано. Нет, Киз: я не знаю, чему верить. Я не верю этим клеркам из госпиталя с их париками и гусиными перьями. Они смотрят на нас через пенсне и монокли. Мы для них одинаковы, мы и наши дети.

– Уверена, что это неправда. Они не могут умышленно дурачить тебя. Ты сама сказала, что не называла свое имя и адрес, когда принесла малышку, тогда как они могли узнать это? А Дэниэл вообще знал, где ты живешь?

– Разумеется, нет. Я лишь дважды встречалась с ним. Не знаю, Киз. У меня такое ощущение, словно я блуждаю во сне.

Я посмотрела вдоль Розмари-Лейн в сторону Олд-Бейли-Корт, где Эйб сидел на стуле в ожидании встречи с дочерью и беспокоился из-за денег. «Как мы будем содержать ее?» – не раз спрашивал он. Я напомнила, что мы прекрасно справлялись с кормлением трех ртов, пока Нед не ушел из дома, а теперь и подавно справимся.

Сейчас Эйб сидит и прислушивается к шагам на лестнице, а на столе расставлены три тарелки для ужина. Сама мысль о признании того, что я не знаю, где Клара, казалась... бессердечной. Что за мать, которая не знает, где находится ее дочь? Мне было невыносимо думать об этом. Находилась ли она в Лондоне или даже в Англии? Могла ли она уплыть куда-то? Сначала я думала, что она умерла, но знание того, что она может быть где угодно, оказалось еще более изощренной пыткой.

– Помоги мне собрать вещи и приходи к нам на ужин, – сказала Кезия.

Я с благодарностью приняла ее предложение и помогла ей сложить одежду в тюки, которые мы погрузили в ее тележку и положили сверху столик и корзины. Мы пошли на север по широкой улице Майнорис[7 - Майнорис – улица в Лондоне, выходящая к Тауэру, в то время заселенная главным образом старьевщиками и мелкими биржевыми маклерами (прим. пер.)], где могли свободно разъехаться две ломовые телеги, а потом свернули в закопченные переулки, ведущие к Брод-Корт, где жила Кезия со своей семьей. С обеих сторон обрамленная синагогами, эта часть Лондона предназначалась для «перемещенных лиц»: чернокожих, испанцев, гугенотов, евреев, ирландцев, итальянцев и ласкаров[8 - Ласкары – матросы-индийцы, служившие на британских судах (прим. пер.)], которые теснились в маленьких дворах и меблированных домах. Эти жилища были приличнее, чем трущобы, где находили убежище воры и проститутки и семьи спали на голом полу, но находились на одну ступень ниже, чем Олд-Бейли-Корт с его водокачкой и одной или двумя комнатами на семью. Две комнаты Кезии находились в полуподвальном этаже с окнами на уровне улицы, и когда я посещала ее, мне приходилось стучать ей в окно, поскольку владелица пансиона, раздражительная француженка с крючковатым носом и птичьими глазками, раздражалась потоком ругательств, если посетители стучались во входную дверь, и иногда захлопывала ее перед ними. Когда мы пришли, уже совсем стемнело, но ее окна мягко светились за занавесками, и это означало, что

ее муж Уильям находился дома. Когда мы вошли, он натягивал скрипичную струну на чисто вымытом столе, а Джонас и Мозес сидели рядышком на скамье и читали Библию вслух. Горела только одна свеча, но Уильям как будто не обращал на это внимания, поэтому Кезия зажгла другой огарок, вручила его Джонасу и сказала, что его брат ослепнет, если будет разбирать крошечные буквы в темноте. Я помогла ей собрать ужин – хлеб, холодная жареная говядина и пиво, и мы все поели за столом, а Уильям положил свой инструмент на стул, как будто скрипка тоже ужинала с нами. Мальчики рассказали о канарейке миссис Абельман, которая влетела в каминную трубу и отказывалась вернуться обратно. Посреди детского щебета и жевания я на минуту-другую забыла, что произошло сегодня утром. Лишь когда я обвела взглядом простую комнату моей подруги с желтовато-коричневыми стенами, ткани и корзинки, разложенные повсюду, радостные лица детей и усталые, но любящие взгляды, которыми обменивались супруги, я все вспомнила. Казалось, что тени удлиннились и в маленькой комнате стало холоднее. Должно быть, я выглядела удрученной, поскольку озорник Джонас попробовал рассмешить меня, и я улыбнулась ему.

После ужина Кезия велела мальчикам отправляться в постель, и они послушно ушли, оставив дверь приоткрытой, чтобы она могла слышать их. Мы помыли посуду, пока Уильям занимался своей скрипкой, а когда Кезия сняла фартук, мы расселись на двух удобных стульях перед очагом. Мне больше всего хотелось положить под голову подушку и закрыть глаза. Я не хотела возвращаться в Олд-Бейли-Корт без Клары и видеть ее пустую кровать.

– Ты должна вернуться в госпиталь, – сказала Кезия.

– Для чего? – спросила я. – Они лишь повторяют то, что уже сказали. Готова поклясться, они считают меня лгуней. Или, хуже того, сумасшедшей: какая мать может забыть, что она забрала собственного ребенка? Они отправят меня в Бедлам.

Пока Кезия рассказывала Уильяму о сегодняшних событиях, которые как будто произошли год назад, я наблюдала за пляшущими языками пламени, нечувствительными к порывам холодного ветра в каминной трубе. Уильям слушал и одновременно чистил скрипку кусочком ветоши, смоченным в терпентинном масле. После долгой паузы он сказал:

– Госпиталь для брошенных детей... Мне приходилось играть там.

Я резко выпрямилась.

– Вот как?

Он кивнул и сурово нахмурился, но не отрывал взгляда от скрипки. Заботливость, с которой он относился к этому инструменту, была не похожа на обычное мужское поведение.

– Несколько месяцев назад – кажется, в сентябре. Они проводили службу в часовне. Вы знаете, что Гендель сочинил специальное произведение для госпиталя?

– Кто это?

Теперь он недоуменно посмотрел на меня.

– Гендель, композитор. Он написал гимн «Мессия».

Я покачала головой.

– Как там он начинается? Благословенны немлющие бедным и сирым...

Кезия перебила его:

– Если ты говоришь не о музыке, то о проповедях. Но мы говорим о другом.

Уильям не обратил внимания на ее слова.

– Это замечательное место. Детям, которые попадают туда, очень повезло. Ваша дочь будет в надежных руках.

– Но в том-то и дело, что ее там нет.

– Послушай, Уильям!

В комнате стало тихо, если не считать потрескивания дров в очаге.

– Знаете, – сказала я через несколько секунд. – Я могла выйти замуж несколько лет назад и завести двух или трех детей. Наверное, я ждала и надеялась вернуть ее, чтобы начать новую жизнь с кем-то еще. Но мне нужно было сказать им правду, потому что если бы я вышла замуж без их ведома, какой муж согласился бы взять ребенка из приюта? А теперь мне кажется, что я больше не увижу ее. Я так долго ждала, и все напрасно. Скоро я буду годна только для вдовцов.

– Еще есть время, – сказала Кезия. – Ты не старая дева, у тебя впереди еще годы и годы. Разве не так, Уильям?

Он пристроил скрипку под подбородком, положил ее на левое плечо и извлек протяжную, скорбную и красивую ноту. Потом он исполнил популярный свадебный марш, и мы улыбнулись.

Я знала, что могу обо всем рассказать Кезии, но в глубине души я задавалась вопросом, не думает ли она, что я уже никогда не верну мою дочь. Что я изменю свое мнение, найду подходящего мужа, рожу здорового ребенка, потом другого и позабуду о моем первенце. Что рано или поздно я приду к выводу, что Кларе лучше живется там, где она сейчас, в окружении слуг и сиделок, с выстиранным и отутюженным бельем, со сливовым пудингом и местом в церковном хоре. Вероятно, Кезия считала, что ей будет лучше держаться подальше от мерзлых лотков Биллингсгейта и от сырых стен Олд-Бейли-Корт. Но оставила бы она своих детей на воспитание в сиротском приюте, как бы удобно им там ни жилось? Я сильно сомневалась в этом.

Глава 5

Я на пять минут задержалась перед воротами, прежде чем объявить о своем приходе перед сторожкой привратника, хотя он и без того должен был видеть, как я расхаживаю взад-вперед, репетируя свои будущие слова. Я надела свой лучший наряд из трех: кремовое хлопчатобумажное платье с цветочным

рисунком, которое Кезия отложила для меня несколько лет назад. Еще я постирала свой чепец и позаимствовала немного крахмала у Нэнси в обмен на иглу с ниткой. В половину четвертого я заперла на складе свое корытце для креветок и поспешила домой, чтобы опередить Эйба, переодеться и как можно скорее отправиться в госпиталь. Было так же холодно и темно, как ноябрьским вечером, когда я впервые отправилась туда: решительная и точно так же испуганная.

Привратник впустил меня, и я пошла по мостовой между корпусами. Лужайки по обе стороны были черными и пустыми; скорее всего, дети были в столовой или уже ложились спать. В Олд-Бейли-Корт дети ложились спать одновременно с родителями, но я полагала, что здесь они умываются и причесываются после ужина, выстраиваясь, как куколки, при свете свечей. В каменном коридоре было тихо, и я думала, не стоило ли мне громко хлопнуть дверью, чтобы известить о своем приходе. Я убрала волосы под чепец и немного подождала, но никто не вышел. Прошла минута, потом вторая и третья; каждая секунда была отмечена двумя ударами моего сердца. Я подошла к лестнице и остановилась у ее подножия. На первой лестничной площадке висел огромный портрет. У мужчины на нем были большие глаза, фуражка и черный сюртук, похожий на мундир. На его лбу был заметный шрам, а рядом сидела маленькая собака. Его лицо показалось мне таким бдительным и оживленным, что я бы не удивилась, если бы он сошел с картины и обратился ко мне.

– Я могу вам помочь?

Я невольно вздрогнула. Ко мне обращалась женщина, спускавшаяся по лестнице, крупная и похожая на свинью, в кружевном переднике и чепце. Ее лицо выражало неодобрение. Я опустила глаза и поняла, что пока стояла, оставила мокрые следы на безупречно-алой ковровой дорожке.

– Мы не берем младенцев прямо с улицы, – заявила она. – Вы должны обратиться надлежащим образом, но сейчас мы никого не принимаем.

– У меня нет младенца. То есть у меня есть дочь, но она не здесь.

Женщина ожидала продолжения; ее темные глаза смотрели пронзительно, и я почувствовала, как у меня запылали щеки.

– Могу я поговорить с управляющим?

– С управляющим? – Она сухо усмехнулась. – Не думаю, что он заинтересуется вами.

– Тогда с кем я могу поговорить?

– Вы говорите со мной, не так ли?

Я ощутила, как во мне поднимается гнев. Посмотрела на свои грязные ботинки и шаль, которая нуждалась в штопке. Здесь мое лучшее платье не имело никакого значения.

– Шесть лет назад я оставила свою дочь здесь на попечение, – ровным голосом сказала я. – А на следующий день ее забрала другая женщина, которая назвалась мной.

Женщина замерла и нахмурилась, отчего мелкие черты ее лица сошлись в кучку. Ее взгляд стал еще более пронзительным.

– Не знаю, кто это был или что они сделали, но... я ее мать. Я хочу выяснить, что произошло, и поговорить с кем-нибудь, – с кем-то, кто может помнить, как выглядела женщина, которая выдавала себя за ее мать.

Наступила пауза, и я услышала, как где-то закрылась дверь. Потом раздался ужасный шум, и я осознала, что женщина на лестнице расхохоталась. Ее смех был громким и неуместным в этом тихом и красивом месте; он был слишком похожим на тот мир, откуда я пришла. Мне захотелось прыжком подняться по лестнице и вlepить пощечину в ее поросычье лицо.

– У нас тут сумасшедшая! – выкрикнула она, давась от смеха. – Ты сбежала из Бедлама?

Прежде чем я успела ответить, сзади послышался голос.

– Что там такое? – молодой мужчина выглянул из дверного проема за большими напольными часами. Он был невысоким и стройным, с соломенно-желтыми

волосами, на несколько лет старше меня, без шляпы и сюртука, в одной только рубашке; мы явно отвлекли его от работы. В той части комнаты, которая открывалась за его спиной, я увидела стол с документами и мягкий, приятный свет масляной лампы. Он смотрел на меня.

- Прошу прощения, сэр, - сказала я. - Я не хотела вас беспокоить.

- Марджери помогает вам?

- Нет.

- А я могу помочь?

Я стояла в тупом молчании. Это были простые слова, но я была непривычна к ним.

- Не знаю, сэр.

Он коротко взглянул на Марджери и повернулся ко мне:

- Прошу вас, пройдите в мой кабинет.

Оставив женщину трястись от смеха, как потревоженное мясное желе, я последовала за ним в небольшую комнату, и он закрыл дверь. Она была похожа на другие комнаты, где я сидела раньше: теплая, ярко освещенная и деловая. Несмотря на высокий потолок, пространство было вполне уютным, а мраморный камин источал приятное тепло. На стене висели картины с морскими сценами и сельскими пейзажами, а ковер целиком застилал пол. Мне с трудом верилось, что можно работать в такой прекрасной комнате; я предпочла бы жить здесь.

Мужчина обошел вокруг стола и уселся.

- Меня зовут доктор Мид, - представился он. - Я работаю здесь в качестве детского врача. Мой отец - один из основателей госпиталя.

Раньше я никогда не встречалась с настоящим врачом, но подумала, что будет невежливо говорить об этом.

– Меня зовут Бесс, – сказала я.

– Вы являетесь матерью одного из здешних детей?

– Откуда вы знаете?

– Вы пришли без ребенка, и вы здесь не работаете. Сегодня вечер вторника, никто не взял ваш плащ... так что считайте это осведомленной догадкой.

Я улыбнулась.

– Последний раз я побывала здесь в воскресенье, сэр.

– Разрешите предложить вам немного выпить. Сядьте и расскажите, какого ребенка вы собираетесь забрать. У вас есть регистрационный номер?

– Я помню его. – Мой язык прилипал к нёбу, и только теперь я поняла, как мне хочется пить. – Я принесла ее сюда шесть лет назад, когда ей был один день от роду, а на следующий день ее забрал кто-то, представившийся моим именем. Я знаю, что это звучит безумно, но я не лгу. И я не сошла с ума, – твердо добавила я, слишком поздно осознав, что это тоже можно было рассматривать как признак безумия. – Я хочу выяснить, к кому она могла попасть.

Голубые глаза доктора могли показаться холодными у некоторых людей, но только не у него. Он прищурился, как это сделала Марджери, но без враждебности и недоверия. Он как будто пытался надлежащим образом оценить меня.

– Бренди подойдет?

Прежде чем я успела ответить, он подошел к низкому буфету перед очагом и достал графин и два бокала. Поставив их на стол, он налил в оба на дюйм золотисто-коричневой жидкости и протянул мне один. Я понюхала: запах был густым, мощным и пряным. Это был мужской напиток, но не для таких мужчин, которых я знала, – это был напиток для врачей, юристов и капитанов. Для таких мужчин, как Дэниэл. Какое-то время я смотрела на бокал, словно ожидая найти разгадку. Потом проглотила жидкость, которая обожгла мне горло и

моментально согрела пустой желудок. Мои глаза заслезились, и я заморгала.

- Полагаю, вы уже рассказывали кому-то здесь то, что сейчас рассказали мне? - спросил доктор Мид.

Я кивнула.

- Мистеру Симмонсу, сэр. Он сказал, что я ошиблась.

- И он попросил вас уйти?

Я кивнула. Последовала задумчивая пауза.

- А отец ребенка? - спросил доктор Мид. - Он мог?

- Он умер.

- Вы точно знаете об этом?

- Да.

- Вы не были супругами. - В его голосе не было и тени осуждения.

- Нет. Он умер до того, как она родилась.

- У вас есть семья? Мог кто-то из родственников забрать ее?

- Только брат и отец, и никто из них не забирал ее. Моя мать умерла.

- Старшие родственники?

Я пожала плечами.

- Все они давно умерли.

Доктор Мид пригладил волосы и уперся локтем в стол. Его руки были изящными, как у женщины. За его ровной доброжелательностью я угадывала сосредоточенную работу мысли, когда он рассматривал идею или догадку, а потом отвергал ее.

– У вас есть кто-нибудь... как бы это сформулировать? Человек, который хотел бы отомстить вам? Скажем так: враги или недоброжелатели любого рода.

Я посмотрела на него. Напиток оказал на меня странное действие – если раньше я согрелась, теперь мне вдруг стало холодно. Я поставила бокал на стол.

– Враги? – Слово звучало непривычно для меня; не думаю, что раньше я произносила его вслух, да и с какой стати. – Но кто?

Он громко вздохнул.

– Враждебно настроенные соседи. Или, я не знаю... может быть, старая подруга.

Перед моим мысленным взором возникла Нэнси Бенсон, любившая совать свой нос повсюду, и я едва не рассмеялась.

– Нет никого, кто захотел бы причинить мне такое зло. Я уверена в этом. Я в жизни никого не обидела – по крайней мере, умышленно.

– Возможно, это было сделано с целью вымогательства? Вы не богаты... но может быть, вы ждете наследство?

Теперь я действительно рассмеялась.

– Нет, – ответила я, а потом повторила еще раз, более вежливо, потому что его щеки порозовели. Я тоже покраснела; он ни разу не посмеялся надо мной и серьезно относился к моим словам. – Нет. Я накопила два фунта в надежде, что этого будет достаточно, чтобы вернуть ее. Этого оказалось недостаточно, но теперь уже все равно. Наверное, сейчас я богаче, чем когда-либо раньше, и наверное, чем буду когда-то.

Я допила остатки бренди, чтобы хоть что-нибудь сделать.

– Тогда, полагаю, остался только один вопрос: вы совершенно точно уверены, что это тот самый ребенок?

– Я не умею читать, но да. Ребенок под номером 627. Они должны были окрестить девочку, но я назвала ее Кларой. Та же самая памятка. И я уже сказала, что та особа, которая забрала ее, все знала обо мне. Вот чего я не могу понять: это значит, что ошибки быть не могло.

Доктор Мид кивнул.

– Я посмотрю, что можно выяснить. У вас есть время подождать, пока я возьму ее бумаги?

Я удержалась от улыбки и просто кивнула. Он вышел, сверившись с датой, а я осталась сидеть в уютной маленькой комнате. Я с интересом поняла, что совершенно спокойна, хотя еще полчаса назад, когда я расхаживала перед воротами, ощущала гнетущий ужас и едва не падала с ног. Несколько минут спустя доктор Мид вернулся с небольшим свертком бумаг, перевязанным голубой лентой, который я видела несколько дней назад. Он ловко развязал ленту, почесал затылок, нахмурился и стал изучать документы. Завершив чтение, он положил бумаги перед собой и сцепил пальцы.

– Когда ребенок возвращается в семью, мы составляем меморандум, который подписывается обеими сторонами: обычно матерью и секретарем. Секретарем, который присутствовал при выдаче вашего ребенка 28 ноября 1747 года, был мистер Биддикомб. – Он вздохнул, и его плечи опустились. – К сожалению, в прошлом году он скончался.

– Ох, – только и сказала я.

– Вот именно. Мы могли расспросить его, что он помнит об Элизабет Брайт из Олд-Бейли-Корт на Лудгейт-Хилл. Это ваш полный адрес?

Я кивнула, и он пожевал губами. Мой хрустальный бокал опустел, и я гадала, не захочет ли он налить еще. Еще я подумала о том, сколько смогу выручить за бокал, если получится незаметно припрятать его.

– Ну, ладно, – сказал он после долгого молчания. – Осмелюсь предположить, что такого раньше не случилось, иначе мой дед рассказал бы мне об этом.

– А кто он?

– Его тоже зовут доктор Мид. Он был главным врачом во время открытия госпиталя; сейчас он отошел от дел, но по-прежнему интересуется здешними событиями. Он бы поразился тому, что вы мне рассказали.

– Он бы мне не поверил.

– Уверен, что он бы поверил. Но мне хотелось бы самому выяснить как можно больше подробностей, прежде чем обращаться к нему. И разумеется, нам нужно гарантировать, чтобы такого впредь не случилось; нужно будет принять новые меры. Если эта особа мошенническим образом выдала себя за вас, то кто может поручиться, что других детей не будут забирать подобным образом? Или что это уже происходило? Но вот памятка... – Он размышлял вслух, пробегая взглядом по комнате. – Эта особа должна было точно назвать вашу памятку. Что вы оставили?

– Половинку сердца, сделанного из китового уса.

– Китовый ус, как необычно! Большинство женщин оставляет кусочки ткани, отрезанные от своего платья.

Он допил остатки бренди из своего бокала – изящно, а не жадно, как Нед, – и со стуком поставил его на стол.

– Скажите, вы сможете вернуться в воскресенье? Управляющие и патроны заведения соберутся здесь для церковной службы, и мы сможем обратиться к ним, пока они будут в одном месте. Без сомнения, их очень заинтересует ваша история. Между тем, я попробую разобраться в этом деле. – Ясный взгляд его спокойных голубых глаз остановился на мне, и я затаила дыхание. – Примите мои искренние извинения.

Я раскрыла рот и тут же закрыла. Слова не шли.

- Вы не виноваты, - пробормотала я после неловкой паузы.

- В воскресенье, - повторил он. - Я встречу вас у часовни в половине десятого, и вы будете моей личной гостьей.

В животе у меня было тепло от выпитого и от чего-то еще, с чем я недавно рассталась, или думала, что рассталась. От надежды.

Когда я вернулась домой, Нед сидел на стуле Эйба, широко раскинув ноги. Одна его рука свисала с ручки стула, другая лежала на животе, как будто он объелся. Но дело было не в этом: он уже какое-то время худел, был бледен и жаловался на боли в животе. Он навещал нас только с целью попросить денег. Иногда я что-то ему давала. В какой-то момент он даже перестал обещать, что вернет долг. Он никогда не приводил к нам свою жену Кэтрин, не приносил горячий пирог или пирожные с заварным кремом, чтобы поделиться с нами. Он ни разу не пригласил нас к себе домой и не сберегал нам места на церковной скамье рядом со своей молодой семьей. Я давала ему деньги лишь ради его детей, если у меня было что давать.

Я внимательно присмотрелась к нему. Он крепко сжал губы, его лицо покраснелось.

- Пришел пожелать нам счастливого Рождества, да?

- Это было в прошлом году.

- Знаю. Мы давно не видели тебя.

- Меня не было в городе.

- Кэтрин выставила его за дверь, - сказал Эйб, сидевший на кровати в другом конце комнаты и снимавший сапоги.

– Неправда, я сам ушел.

– Бросил ее ради «женевского дворца» и твоей жестокой любви?

Он ничего не ответил, и я перевела взгляд с него на Эйба. У обоих был унылый и подавленный вид, словно у людей, крупно проигравших в карты. Никто не зажег огонь в очаге, на полу остались грязные следы, по всей комнате было разбросано грязное белье и тарелки, которые нужно было вдвое дольше отмывать в таком холоде. Пустые бутылки из-под эля тоже нужно было сполоснуть, куча одежды нуждалась в штопке. Везде была та или иная работа, которая в конце концов достанется мне.

– Есть новости, Бесси? – спросил Эйб.

Я покачала головой.

– О чем? – Нед уставился на меня. В свои двадцать семь лет он выглядел гораздо более пожилым мужчиной, с красной сеточкой лопнувших сосудов на носу и щеках и с сухой посеревшей кожей.

Бренди, выпитое у доктора Мида, прояснило мне голову и сделало меня острой на язык.

– Если бы ты озаботился расспросить обо мне, то знал бы, что я ходила в госпиталь, чтобы забрать мою дочь.

– Ого, – более мягким тоном произнес он и удивленно взглянул на меня. – Где же она?

– Не там и не здесь. Неизвестно где. – Я пропустила ужин, и дома не осталось еды. У меня просто не было сил сходить на Лудгейт-Хилл и купить что-нибудь горячее. Я начала потихоньку прибираться в комнате, а Эйб с кряхтением опустился на колени, чтобы развести огонь. Я собиралась вымыть чашки и тарелки, протереть окна от угольной копоти и лечь в постель.

– Что ты имеешь в виду, а? – поинтересовался Нед.

- Ее забрали. Это сделала Элизабет Брайт из Олд-Бейли-Корт, шесть лет назад.

- Что ты такое несешь?

- Она пропала, Нед, и я не знаю, где она. Кто-то выдал себя за меня - как там сказал доктор Мид? - мошенническим образом.

- Чудно это, просто в голову не лезет. Кто мог это сделать?

- Мне известно не больше, чем тебе.

- Ее отец дал дуба, верно?

- С тех пор как я это выяснила, ничего не изменилось.

Нед погрузился в задумчивость и смотрел, как Эйб копается возле очага, но не предлагал помочь ему. Мой брат строил из себя аристократа на отдыхе, как будто труд и тяготы, которые нам приходилось терпеть, никак его не касались. Я предполагала, что он останется на день-другой, как иногда бывало, и будет храпеть рядом со мной на своей старой кровати, которая теперь предназначалась для Клары. Наверное, Кэтрин уже сокрушалась, что вышла за него замуж.

Нед провел пальцами по небритому подбородку.

- Вот ведь загадка, а? - произнес он.

Было видно, что ему все равно. Его мысли блуждали где-то еще. Я смотрела на его сапоги, впечатанные в пол, как и в нашу жизнь, и гадала о том, когда он начнет выпрашивать деньги. Преисполненная ненависти, я отвернулась и смахнула таракана с грязной тарелки. В комнате было очень холодно, и весь комфорт, который я ощущала в той приятной и теплой маленькой комнате, улетучился в дверях, как только я увидела брата.

- Так что ты собираешься делать? - спросил он через некоторое время.

Я продолжала работать, стоя к нему спиной.

– Разумеется, я постараюсь найти ее.

Он рассмеялся с нотками издевательского веселья, отчего мне захотелось разбить о его голову тарелку, которую я держала в руках. Я представляла, с каким приятным хрустом она опустится ему на череп. Но у нас не было лишних тарелок.

– И как ты собираешься сделать это в Лондоне?

– Не делай вид, будто тебе интересно. Не притворяйся, будто ты пришел проведать, как мы тут поживаем. Давай, говори, зачем пришел. Сколько тебе теперь нужно – шиллинг, три шиллинга?

– Десять шиллингов.

Эйб тихо присвистнул, вытер тряпкой испачканные сажей руки и с трудом выпрямился.

– Кажется, ты принимаешь нас за банковских клерков, мой мальчик.

– Он много за кого нас принимает, – сказала я. – В основном за дураков.

– Это нечестно.

– Кто бы говорил! Для чего тебе такие деньги?

– Ребенку нужно лекарство.

Я скрестила руки на груди и жестко посмотрела на него.

– Если ты скажешь мне правду и я поверю, то дам тебе одну крону.

Его глаза забегали по сторонам, пока он не устремил взгляд в точку рядом с моим плечом.

– Мне нужно выплатить долг. Я уже пропустил срок, и они больше не хотят ждать.

Под его глазами залегли темные тени, но это могли быть и синяки от кулаков. Я ушла в спальню и достала свою коробку из-под домино, лежавшую под матрасом.

– Только на выплату долга, больше ни на что. Нужно ли мне пойти с тобой?

Он вздрогнул и поежился.

– Нет. Я не хочу, чтобы ты даже близко подходила к этому месту. – Я уронила монету ему на ладонь, и он сжал руку в кулак. – Я внесу тебя в список моих кредиторов, но тебе придется одолжить мне перо и бумагу. Ах да: я не умею писать.

Наверное, ему казалось, что это смешно, но мы даже не улыбнулись. Тем не менее он не ушел, и вскоре я заметила, что он как-то странно поглядывает на меня. Эйб устроился на табуретке. Он счищал грязь со своих сапог в помойное ведро и был совершенно поглощен этой задачей.

– Почему ты до сих пор здесь, Бесс? – тихо спросил Нед.

Он жестом указал на убогую обстановку нашего жилища. Вода, которую Эйб поставил на огонь, уже согрелась; я попробовала ее пальцем, прежде чем снять прихваткой и поставить на полку рядом с собой. В темном окне я видела ирландскую семью Риорданов, жившую на другой стороне двора. Они ходили по комнате, расставляя тарелки для ужина, а их отец держал на коленях большого рыжего кота. Он улыбался, рассказывая какую-то историю, и мальчики вокруг стола тоже улыбались, хотя я видела, что тарелки были щербатыми и разнородными, а крошечная комната была завешана сохнувшим бельем. Тогда я поняла, что на мне до сих пор сырая шаль, сняла ее и повесила перед огнем, где от нее пошел пар.

– Бесс, – снова сказал Нед, когда я проходила мимо него. Его пальцы задели мою руку, и меня вдруг захлестнуло сильное чувство печали и любви к брату, как будто он что-то передал мне. Был ли это тот самый мальчик, который сдвигал наши кровати и завывал на разные голоса за красной занавеской, разделявшей

нас? Который устраивал кукольные представления, надевая на руки кусочки ткани и изображая разговоры между ними?

– Ты берешь мои деньги и спрашиваешь, почему я до сих пор здесь? Вот поэтому. – Я повернулась спиной и стала мыть чашки, выливая воду и снова наполняя их.

– Мне очень жаль насчет твоей дочери, – тихо сказал он. – Уверен, что ты найдешь ее. Дай мне знать, если я могу чем-то помочь.

Я закрыла глаза, снова открыла их, и образы Риорданов за окном вдруг расплылись и подернулись мутной пеленой. Я высморкалась, вытерла нос и глаза и расставила посуду на полки, а Нед уже говорил с Эйбом. Потом скрипнули половицы, и тихо закрылась дверь. Я смотрела на крыши и шпили и думала о вечном движении города в темноте внизу. Как легко было бы скользнуть в его глубины и унести прочь.

Глава 6

По воскресеньям рынок не работал. Мы не очень-то любили ходить в церковь – в последний раз мы всей семьей пришли на похороны матери в Сент-Брайде, поэтому Эйб глядел на меня немного дольше обычного, когда я вышла в хлопчатобумажном платье с цветочным рисунком. Я ходила в церковь только на Рождество вместе с Кезией, Уильямом и детьми – мы устраивались на маленьких скамьях вместе с испанцами, ирландцами и чернокожими, пели, слушали, молились и старались успокоить детей, истосковавшихся по рождественскому пудингу с изюмом и жареному гусю. Но я не ходила к ним на рождественский ужин и всегда покупала курицу по пути домой, чтобы разделить ее с Эйбом.

– В церковь? – спросил Эйб, когда я объяснила ему, куда направляюсь. – Зачем?

– Я иду вместе с Кезией, – солгала я и сменила домашний чепец на уличный, чтобы не смотреть на него. – Почему бы тебе сегодня не навестить Кэтрин? Поиграешь с ребенком, он быстро растет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Госпиталь для брошенных детей» в Лондоне, основанный капитаном Томасом Корэмом в 1739 году, был предназначен для «ухода и воспитания за маленькими детьми, оставшимися без попечительства». В то время слово «госпиталь» толковалось в широком смысле от англ. *hospitality*, то есть «гостеприимство». Госпиталь принимал на воспитание младенцев до шести месяцев от роду; исключения бывали только для сирот. Его воспитанников устраивали на работу с шестнадцати лет (прим. пер.).

2

Биллингсгейт – исторический рыбный рынок в Лондоне, который работает до сих пор (прим. пер.).

3

Такие памятки (токены) представляли собой мелкие предметы, по которым мать впоследствии могла опознать ребенка, если приходила забрать его. С 1758 года совет госпиталя начал выдавать матерям квитанции о приеме детей, и потребность в памятках отпала (прим. пер.).

4

Крупнейшая скотобойня и мясозаготовительная фирма того времени, ныне международная компания (прим. пер.).

5

Судя по всему, от библейского имени Иезекииль (прим. пер.).

6

В 1723 году в Англии был принят закон о том, что дети темнокожих подневольных слуг в домах состоятельных особ становятся свободными людьми и приобретают гражданство (прим. пер.).

7

Майнорис – улица в Лондоне, выходившая к Тауэру, в то время заселенная главным образом старьевщиками и мелкими биржевыми маклерами (прим. пер.).

Ласкары – матросы-индийцы, служившие на британских судах (прим. пер.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/holls_steysi/gospital-broshennyh-detey

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)